

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Человеку
подвластно все.
Даже переписать
свою судьбу.

НА КРАЮ
ЛЮБВИ

Русская красавица. Романы Е.
Арсеньевой. Новое оформление

Елена Арсеньева

На краю любви

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

На краю любви / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2023 — (Русская красавица. Романы Е. Арсеньевой. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-186113-1

Ах, какие страсти кипят в провинциальной жизни первой половины 19 века! Повинуясь воле покойного друга Хворостинина, золотоискатель Федор Данилов возвращается в Россию и становится опекуном его дочери Аси. Девушка мечтает выйти замуж за соседа Никиту. И вот теперь, когда она, благодаря сибирскому золоту, очень богата, ничто не мешает свадьбе. Опекун вызывает Асю из поместья в город, где идет подготовка к венчанию. Однако вместо храма девушка чуть не оказывается в доме терпимости! Волей случая ей удается сбежать, но опасные интриги продолжаются. Бумаги, обеспечивающие доступ к богатству, до определенного срока нужно предъявить в банк, – то, за чем охотятся неведомые Асе люди. Что может в одиночку сделать юная провинциалка против алчных и хитрых врагов? Обрести друзей и помощников! Которых у Аси с каждым днем становится все больше. Библиография Елены Арсеньевой насчитывает более семи десятков детективных, исторических, любовных романов, а также несколько сборников новелл. В ее сказочно-фантастических повестях присутствуют не только реальные люди, но и волшебницы, колдуны, пришельцы из иных миров и множество других загадочных персонажей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186113-1

© Арсеньева Е. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая. Преступное венчание	7
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Арсеньева

На краю любви

Что есть любить?

Тужить.

А равнодушным быть?

Не жить.

Н. М. Карамзин

Часть первая. Преступное венчание

– Тащи обратно сундучок! – раздался властный голос, и Ася оглянулась.

Невысокая, очень полная женщина в черном платье, черной шали и черном же капоре сурово смотрела на извозчика, нанятого Асей на Сенной площади.

– Так барышня велела на Ильинку доставить, к этому вон дому, – фыркнул тот, однако спорить не стал и, подхватив за боковые железные ручки, потащил потертый и облупленный Асин сундучок в свою пролетку, откуда только что его выгрузил.

– Позвольте, сударыня, – встревожилась Ася, – не ошиблись ли вы? Возможно, вы меня за другую приняли?

– Да разве не вас зовут Анастасией Васильевной Хворостининой? – удивилась женщина, а извозчик замер, держа сундучок на весу и чуть откинувшись назад, так что его борода вызывающе задралась, а засаленный «гречневик»¹ едва не съехал с головы.

– Для меня было снято жилье в доме госпожи Брагиной, – Ася указала на невысокий домик в два окошка, около которого и остановился извозчик. – Собственно, договаривался мой опекун, господин Данилов...

Федор Иванович Данилов писал Асе: *«Дом, несмотря на внешнюю простоту, уютен и удобен. Конечно, можно было бы вас, Анастасия Васильевна, в «Купеческую» гостиницу поселить, где я сам стою, но, думаю, на отдельной квартире вам удобнее будет. Хозяйку зовут Федосья Николаевна Брагина. Вам только одну или две ночи придется провести у нее, а потом сразу отбудете под моим приглядом в Широкополье, где решено венчаться. Тысячу раз прошу прощения, что не приехал за вами сам. Задержали хлопоты, связанные с подготовкой приданого. Модистка задумала было время потянуть, однако я сие пресек. Все будет готово к вашему приезду. Постараюсь вас встретить если не на Сенной, то около дома госпожи Брагиной; если же не успею, то приеду попозже».*

– Вы уж, барыни, попроворней разберитесь промеж собой, кто из вас кто, – пропыхтел в эту минуту извозчик, откидываясь назад, словно от непомерной тяжести. – Как бы мне брюха не надорвать! Руки разломились!

– Ничего, подождешь, – равнодушно откликнулась незнакомая женщина.

Извозчик на эти слова то ли обиделся, то ли и впрямь усталые руки сами разжались, потому что сундучок вдруг плюхнулся на дощатый тротуар, да так, что раздался громкий треск.

Доски проломились или сундучок разбился? И не вывалились ли из него нехитрые и довольно убогие Асины пожитки? Единственное приличное платье (сшитое, к слову сказать, собственноручно!) Ася надела в дорогу, да и оно было накануне беспощадно осмеяно Ликой Болотниковой.

Конечно, Лика могла бы и помолчать: ее-то наряд мало того что выглядел столь же поношенным, как у Аси, да еще оказался не слишком чист. Впрочем, Лика приезжала в Хворостинино в дилижансе. Кто знает, может быть, после путешествия в этой громоздкой и не очень удобной карете и Асино платье так же со стороны смотрится? Наверняка даже хуже, ведь она сидела на очень неудобном месте: у дверцы. Сама виновата! Федор Иванович наказывал ей брать лучшее место, самое дорогое. На это Асе был оставлен увесистый кошель с деньгами. Однако Ася умудрилась забыть его в Хворостинине, в запертом доме, и спохватилась только на обочине дороги, уже завидев подъезжающий дилижанс. Того, что оставалось в ее дорожной сумке, едва-едва хватило на самое дешевое место. Но Ася понимала: возвращаться в деревню

---

¹ «Гречневик» – высокая, приплюснутая сверху валяная шапка, напоминающая пирог-гречневик, выпеченный «столбиком». Обычный головной убор разносчиков и извозчиков в описываемое время. *Здесь и далее прим. автора.*

– не попасть сегодня в Нижград. А ведь через день назначено венчание Аси и Никиты Широкова – ее любимого Никиты! Никак не успеть толком приготовиться, а значит, нельзя возвращаться!

Не говоря уже о том, что приметы хуже возвращения с полдороги трудно придумать...

На съезжей площади, прибыв в Нижград, Ася попыталась отчистить одежду, но, похоже, только грязь размазала. Одна надежда: господин Данилов не обратит внимания на то, какая его подопечная замарашка. Совершенно как та самая Сандрильона² из старинной книжки «Повести волшебныя с нравоучениями, на Российском и Французском языках, сочиненныя Господином Перольтом для детей»³, которую Ася перечитывала не менее сотни раз!

Сандрильона, которой в ожидании встречи с принцем даже надеть на себя нечего...

Ну да не беда! Если у Сандрильоны была добрая крестная, то у Аси есть опекун. Не слишком добрый, иногда суровый, но, если верить тому, что сообщал Федор Иванович, не сегодня, так завтра Ася приоденется согласно всем модным ухищрениям. И станет выглядеть не хуже, чем Сандрильона на балу!

– Я и есть госпожа Брагина, именно я вела переписку с вашим опекуном, – заявила тем временем женщина и бросила суровый взгляд на извозчика: – А ты, голубчик, чего это чужим добром швыряешься? А ну, подыми сундучок да в колымагу свою поставь! Слыхал?! Не то не заплатят тебе ни гроша.

– Как это – не заплатят?! – возопил извозчик. – Как это...

– Бери сундук, ну? – повысила голос госпожа Брагина. – Аль вон к другому пересядем! – Она кивнула на пролетку с коричневой крышей, которая только что протарахтела колесами по Ильинке и остановилась невдалеке. Кучер, потуже запахнувший слишком просторный для него армяк и низко надвинувший на лоб шапку, сгорбился на козлах и вроде бы задремал. – А коли начнешь скандалить, кликни дворника, и он тебе таких coups de poing⁴ надает, что кровушкой умоешься. Понял ли?

Извозчик насупился было, засопел воинственно, однако смекнул, что загадочные coups de poing грозят ему большими неприятностями, а денег своих он тогда уж точно не получит, поэтому послушно согнулся, взялся за железные ручки сундучка, снова старательно закрихтел и потащил поклажу в пролетку.

Ася оглянулась: дощатый тротуар был цел, из сундучка ничего не вывалилось. Ну и слава богу, что все обошлось!

Обошлось-то обошлось, да не все. Ей почему-то дают от ворот поворот и заставляют уезжать! Окна в домике закрыты ставнями и заложены болтами, дверь заперта на висячий замок...

– Но как же, но отчего же? – растерянно забормотала девушка. – Отчего вы меня в дом не пускаете, коли господин Данилов его снял?!

– Quel ennui!⁵ – воскликнула между тем полная дама. – Quel неожиданный ennui!

– Что случилось? – насторожилась Ася. – Неужели еще не съехал прежний жилец?

– О нет, этот господин съехал вовремя, однако в тот же день был доставлен в лечебницу в очень дурном состоянии. Очевидно, «собачья смерть»⁶, коя наши края покинула, следы свои

² Сандрильон(а) – от франц. Cendrillon (cendre – зола). В первых переводах этой сказки на русский язык употреблялось именно это имя; в XIX в., даже в переводе И. С. Тургенева (1885 г.), героиню называли чаще Замарашкой, чем Золушкой.

³ «Повести волшебныя с нравоучениями, на Российском и Французском языках, сочиненныя Господином Перольтом для детей» – под таким названием вышло в 1795 г. (переиздано в 1805 г.) в России специальное издание для детей книги Шарля Перро «Histoires ou contes du temps passé», «Сказки былых времен», известной во Франции больше как «Les Contes de ma mère l'Oye», «Сказки матушки Гусыни». К слову, первый перевод сказок Перро на русский язык появился еще в 1768 г. под названием «Скаски о волшебницах с нравоучениями», но без указания авторства и не слишком подходящий для детей.

⁴ Coups de poing – тумаки (франц.).

⁵ Quel ennui! – Какая досада! (франц.)

⁶ «Собачья смерть» – так в народе называли холеру, две эпидемии которой пережила Россия в 1830-х гг.

все же оставила. Храни боже, не началось бы *épidémie*⁷ сызнова! – Брагина торопливо перекрестилась. – Дом, конечно, можжевельником окурен и хлорной известью обмыт, однако в ближайшие дни в него лучше не входить. Но вы не тревожьтесь, голубушка Анастасия Васильевна, – успокаивающе махнула рукой хозяйка, заметив, какое несчастное выражение лица сделалось у девушки. – Мы с господином Даниловым нашли для вас новое жилье – не столь далеко отсюда. Федор Иванович вас там и поджидает; к тому же часть приданого вашего уже привезли, и ваш опекун его сейчас принимает.

Ася растерянно хлопнула глазами. Очевидно, Федор Иванович с госпожой Брагиной коротко знаком, коль посвятил ее во все эти перипетии...

– Так что, барыни, едем мы куда-нито аль нет? – раздался страдальческий голос извозчика, который и сундучок Асин обратно загрузил, и на козлы взобрался, и вожжами уже потряхивал, готовый везти барынь, куда им угодно будет. – Только за выгруз-перегруз извольте надбавить, иначе с места не тронусь. И, понятное дело, за то, что по иному адресу придется тащиться, – тоже придется приплатить.

– «По иному адресу», мать честная! – проворчала госпожа Брагина, подхватывая Асю под локоток и ведя к пролетке. – Каких же *mots*⁸ нынче погонялки⁹ набрались! Небось и за речистость надбавить потребуешь, прошельга!

– Обижать изволите, барыня! – вскричал извозчик, и голубые глаза его словно бы даже слезой подернулись. – Погонялки, чай, промышляют на колымагах да за гроши везут, а вы на мою повозочку рессорную гляньте – ну чисто карета для царевны-королевы! Своих денег стоит!

– Ну ладно, вези на Рождественку. Потом скажу, где там остановиться, – велела Брагина, и извозчик почему-то оглянулся на нее не просто недоумевающе, но с вытаращенными глазами:

– На Рождественку?! Так ты, барыня... так ты, барыня, никак, это... а что же барышня? Такова, как ты, что ль?

Ася непонимающе хлопнула глазами.

– Помалкивай! – рявкнула Брагина. – Не бойся, не обижу, хорошо приплачу за другой «адрес»! – Это слово она произнесла с явной издевкой, нарочито грассируя на «р». – А начнешь артачиться, вообще ни гроша не дам.

– Ну ладно, ладно, чего?.. – проворчал извозчик. – Только денежки извольте вперед. Знаем мы вас, которые с Рождественки-то!

– Ишь чего захотел – денежки вперед! Вот уж и впрямь меня узнаешь, коли станешь язык распускать! – пригрозила Брагина и чуть ли не втокнула Асю в пролетку: – А вы чего мешкаете, Анастасия Васильевна? Сразу видно, что вы *la provinciale*¹⁰, с позволения сказать! Барышни деревенские всегда готовы простонародье слушать, уши развесив, а не тотчас его окорачивать! Трогай, кому сказано, погонялка чертов!

Внезапный переход Брагиной от услужливой обходительности к неприкрытой грубости ошеломил Асю, но более всего ранило это «*la provinciale*». Сразу вспомнилось, как Лика Болотникова с миленьким таким, ласковым до приторности ехидством насмешливо высказалась, когда навещала Асю в Хворостинине:

– И ничем из тебя этого духа деревенского, поместного не выбить, не выветрить, даже если семью ветрами продуть, все одно – разит сушеным журавельником¹¹, хоть нос затыкай!

---

⁷ *Épidémie* – эпидемия (*франц.*).

⁸ *Mots* – слова (*франц.*).

⁹ Погонялка – пренебрежительное прозвище самого дешевого извозчика.

¹⁰ *La provinciale* – провинциалка (*франц.*).

¹¹ Журавельник, или герань луговая – народное средство против моли.

Но богатеньким невестам вроде нашей Асюли-люли-люли простительны будут и «черты провинциальной простоты, и запоздалые наряды, и запоздалый склад речей»...

Ася утешала себя тем, что Татьяне Лариной, пусть даже с ее провинциальной простотой, бог дал все-таки счастливую жизнь, – глядишь, и Асю Хворостинину не обидит. К тому же не оставляла мысль, что Лика, которая всегда была похожа на крючок: стремилась уколоть кого-нибудь язвительным словом, зацепить, поиздеваться, – сейчас тщится Асю побольнее задеть из зависти к внезапному повороту судьбы, поставившему ее на то место, которое Лика уже прочно считала своим. Ася подругу жалела и старалась не обижаться на уколы.

Лика сначала пообещала сопровождать Асю в Нижград, а потом и в Широкополье, чтобы помогать одеваться к венцу, но вдруг устроила скандал с истерикой и уехала на первом же проходившем мимо Хворостинина дилижансе одна, предоставив Асе добираться до Нижграда самостоятельно.

Впрочем, никуда Лика не денется: она ведь с ума от любопытства сойдет, если не увидит Асиного приданого, так что наверняка появится в самом скором времени!

Между тем пролетка уже развернулась и начала спускаться с Ильинки по крутой улице к реке.

Кучер повозки, что стояла недалеко от дома Брагиной, внезапно встрепенулся, тряхнул вожжами, понукал свою лошадку и, ловко обогнав извозчика, который вез женщин, припустил к Успенскому съезду, потом спустился к Рождественской улице и остановился на площади близ церкви Святых бессребреников Козьмы и Дамиана.

* * *

– Ох, ну неужели ты до сих пор не понимаешь, что пустая это затея? – тихо проговорила сидевшая в глубине повозки девушка в плотно запахнутом, несмотря на теплую погоду, салопчике и темном платочке.

Кучер поежился, втягивая голову в плечи, еще ниже натянул шапку. Армяк был ему великоват, да и шапка словно бы с чужой головы снята. Выглядел возница сущей деревенщиной, которая только начинает промышлять извозом или принадлежит к очень небогатому дому.

– Почему ж пустая? – буркнул он наконец, полуобернувшись.

– Да потому! – огрызнулась девушка. – А ну как пойдут слухи, где она побывала?! Конечно, мадам Сюзанна позволила бы сбежать после того, как первый клиент ею попользовался. Конечно, она бы к своему опекуну вернулась. Конечно, он бы велел ей рот на замке держать. Конечно, дальше все своим чередом пошло бы... Ну а ежели б это все наружу вышло еще до венчания? В каком положении молодой супруг оказался бы? Неужто пристало кому жениться на гулящей, даже и за превеликие деньжищи? Это ведь непомерный урон чести для всей семьи! И вообще... этот опекун тот еще фрукт. Уркаган сибирский, морда со шрамом, глаз звероватый, неведомо, чего от него ждать. А ну как, дознавшись до случившегося, начнет крушить блудилище? А ну как мадам выдаст тех, кто ее нанял? Понимаешь теперь, что глупость затеяна? Иди прекрати это, да побыстрей.

– Да ладно пугать! Кто бы что узнал? – отмахнулся кучер. – Мы бы небось языки проглотили, чтоб из семьи ничего не вышло, да и эта дурища не вполне спятила, вряд ли проговорила бы...

– Ты, видать, давно девок не распочинал, – грубо ответила его спутница. – Забыл, что не всякая после срама одернет сарафан, примет от охальника пяточок да и пойдет восвояси как ни в чем не бывало. Иная и в петлю голову сунет либо в омут кинется! А ну как и эта такова же? И не станет даже свадьбы ждать? И что тогда? Кто ей наследует? Кто богатство получит?

– Сама знаешь кто! – ожесточенно буркнул кучер. – При тебе пьяный нотариус языком болтал о завещании отца мамзель Хворостининой. Ежели она богу душу отдаст прежде свадьбы, этот разбойник сибирский все и наследует... А он и так богач, каких мало!

– Теперь видишь, что рисковать с этим делом нельзя? Иди, кому говорено! А потом что-нибудь другое придумаем.

– Приду-умаем! – так тяжело, словно все беды мира навалились на его плечи, вздохнул кучер. – Напридумывали уже. Казалось, все так ладно, а вот вышло наоборот.

– Успокойся, – ласково откликнулась девушка. – Первый блин всегда комом, это тебе любая стряпка скажет. Ничего, новое тесто заведем!

– Эх, вот беда, что столько хлопот напрасно приложено! – не унимался кучер.

– погоди, погоди! – вдруг пробормотала его спутница. – А ежли с этим уркаганом что-то случится? Ну, кондрашка его хватит по неведомой причине, да мало ли что... Тогда кому деньги перейдут?

– Да бес его ведает! – дернул плечом кучер. – Он вроде бы сирота. Верней всего, все богатства в казну отойдут, как обычно с выморочными деньгами бывает. Коли он оказался бы женат, все получила бы вдова его. Так ведь холост пока.

– Пока... – промурлыкала девушка.

– Ты это к чему? – насторожился кучер. – Уже начала новую дежу¹² заводить?

– Не торопи меня! Еще подумать надо. А пока иди туда, наготове будь. Да не забудь армячишко с шапкой скинуть!

– Ты хочешь, чтобы Аська меня узнала?! – вытаращил глаза кучер.

– Своего спасителя она непременно должна узнать! – расхохоталась девушка. – Ох и благодарить тебя станет! Весь свой недолгий век станет благодарить!

– Змеюка ты, змеища ты, – проворчал кучер, однако в голосе его звучало не осуждение, а восхищение.

– Пора идти! – властно сказала девушка.

Кучер начал стаскивать с себя армяк, приговаривая:

– Змеища! Право слово, змеища!

Девушка, осторожно высунувшись, внимательно озирала окрестности: не приметил ли кто их повозку, не помешает ли осуществить задуманное?..

* * *

Улицы, круто ведущие с горы к Волге, в Нижграде называли съездами, и сейчас пролетка спускалась по Успенскому. По обе стороны съезда зиял огромный Почаинский овраг, но вот колеса загромыхали по булыжной мостовой – это уже была Рождественка: шумная, разгульная, с многолюдьем толпы и распахнутыми из-за жары дверьми трактиров. Ася слышала, что замощены главные улицы города и съезды были по личному приказу государя императора, который недавно посетил город.

Как всегда, при мысли о государе сразу вспомнилась матушка, которая у него милость мужу, Асиному отцу, и наказание супостату, обидчику, на коленях вымолила. На глаза навернулись слезы, но девушка согнала их неприметным взмахом руки и снова принялась оглядываться.

Позади остались многочисленные ночлежки для бесприютного люда; по левую руку стояло в строительных лесах несколько новых домов, обещавших стать весьма красивыми. Раньше таких здесь вроде бы не было. Впрочем, Ася плохо помнила эту улицу: Хворостинины езжи-вали сюда только по праздникам, чтобы попасть в Рождественскую церковь. В последний раз

---

¹² Деревянная кадушка для приготовления теста; также и само тесто.

это случилось без малого десять лет тому назад, а потом, как увезли отца в ссылку прямо из поместья, Ася в городе и не бывала.

И отца она больше не видела...

Внезапно госпожа Брагина приказала извозчику остановиться. Ася с удивлением увидела обширную площадь на месте дома купца Сафронова, близ старой церкви Святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Ветер навевал с Волги запах большой, глубокой воды...

– Ну, выходите, милая Анастасия Васильевна, – ласково позвала госпожа Брагина, проворно, несмотря на полноту, выбираясь из пролетки и подавая извозчику деньги. – Довольно ли?

– Довольно, покорнейше благодарим, – буркнул извозчик, сунув монеты за пазуху.

– Сундучок достань да здесь поставь, – приказала госпожа Брагина. – Сейчас за ним придут.

– Федор Иванович выйдет нас встретить? – с надеждой спросила Ася, оглядываясь.

– Нет, он... он там ждет, – махнула рукой госпожа Брагина на невысокий деревянный дом, над которым возвышался двухэтажный каменный пристрой, аляповато украшенный «аннушками»¹³. Окна дома были плотно зашторены.

Низенькая дверь, около которой остановилась повозка, распахнулась. Оттуда появился черноволосый, с окладистой черной бородой мужик мрачного вида. Туловище у него было могучее (косоворотка едва не лопалась), а ноги коротенькие, искривленные.

– Встречай, Харитон! – махнула ему госпожа Брагина и тут же рывкнула на замешкавшегося извозчика: – А ты чего расселся? Вытаскивай сундук! Говорено же было!

Мужик полез было с козел, однако двигался так неловко, что задел Асю и внезапно прошептал:

– Полезай обратно, барышня, и айда отсюда! Пропадешь ведь ни за что ни про что! Аль не понимаешь? Ад опустел! Сюда вся нечисть собралась!

Ася изумленно уставилась на него, как вдруг рядом приторно запахло фиалками и раздался веселый голос:

– Секлетя Фоминична, голубушка, мадам Сюзанна, ах, что за встреча! Нет, нет, ручку позвольте... ручку вашу, чудесница, позвольте! Что, новенькую привезли? Свеженькую? Ах, какой цветик полевой, пыльцой небось еще подернутый? Коли так, мечтаю быть первым, кто сию пыльцу стряхнет! Ну, Секлетя Фоминична, ведите в хоромы, ведите!

– Почему Секлетя Фоминична? – пробормотала Ася, уставившись на молодого человека в щеголеватом фраке и цилиндре. – Эту даму зовут Федосья Николаевна!

– Какая еще Федосья! – захохотал он и вдруг осекся, пристально глядя на Асю: – Постойте-ка... Я вас откуда-то знаю. Мадам Сюзанна, вы розанчик с какого кустика сорвали, а? Где я ее мог видеть? У кого она прежде подвизалась?

– Харитон! – взревела госпожа Брагина... или та, которая называлась госпожой Брагиной. Чернобородый изо всех сил старался передвигать свои коротенькие ножки быстрее, однако это плохо ему удавалось.

В это мгновение господин во фраке вдруг вскричал, вытаращившись на Асю:

– Мадмуазель Хворостинина?! Неужто Аська?! Да с ума не сошла ли?! Что ты здесь делаешь накануне свадьбы?! Ах ты ж Секлетя, старая блудня, старая...

Последним словом молодой человек как бы подавился и, схватив Асю за руку, повлек было по улице прочь от госпожи Брагиной, или как ее там, однако извозчик заорал:

– Ко мне давай! Сундук ее у меня! Прыгай, да резвей!

Молодой человек метнулся к пролетке, посадил Асю, потом вскочил сам.

– Гони к «Жилому дому»! – крикнул было он, однако извозчик повернулся к Асе:

---

¹³ В народе так назывались кариатиды – украшения фасадов домов в виде задрапированных или полуобнаженных девушек.

– Куда едем, барышня?

– В «Купеческую»! – пролепетала Ася, вовремя вспомнив, что именно там остановился Федор Иванович Данилов.

Свистнул кнут; пролетка понеслась.

– Я бы тоже обитать в «Купеческой» не отказался, да не по карману лопатничек!¹⁴ – хохотнул молодой человек. – Только в «Жилой дом» и пристроился. Вроде бы рядом с «Купеческой», а номера втрое дешевле.

– Рядом, да не ладом! – хохотнул извозчик, обернувшись через плечо. – «Купеческая», чай, на улице парадной, а «Жилой дом» на задворках да помойках!

Молодой человек вскинулся было возмущенно, однако Ася воскликнула:

– Что происходит? Кто вы такой?! Объяснитесь, бога ради!

Льдисто-голубые глаза взглянули на нее презрительно:

– Полно, Аська, не придуривайся. Конечно, десяток лет не виделись, но не мог же я до такой степени измениться, чтобы ты меня не узнала!

Глаза Аси расширились, дыхание перехватило, так что она с трудом выговорила:

– Юраша! Юрий Диомидович! Неужто...

– Ну наконец-то! – сердито бросил молодой человек, снимая цилиндр. Запах фиалок стал гуще. – Только давай без Диомидовичей, бога ради! А теперь рассказывай, как ты угодила в лапы к этой старой трэне¹⁵ Секлетее?! Это ведь знаменитая здешняя макрель!¹⁶ Пристало ли тебе с ней знакомство водить?!

Французский словарь Аси был, на ее счастье, слишком беден, чтобы понять эти слова, однако она запомнила, как Юрий назвал «госпожу Брагину» блудней, а вот это слово было знакомым: в деревне живучи, французскому, может, и не научишься, зато родимым русским овладеешь во всех его тонкостях! Оказавшись вдали от беды, в компании человека, которого знала с детства, Ася приободрилась; к тому же уязвило, что Юрий смотрит на нее с откровенным презрением.

– Откуда такой фашенэбль¹⁷, как ты, Юраша, столь коротко знаком с этой, как ты ее называешь, трэне и макрелью? – спросила не без ехидства, и Юрий одобрительно подмигнул:

– А ты уже не та глупая овца, какой прежде была. Востра стала, умница. А что до моего знакомства с мадам Сюзанной, так ведь у мужчин бывают разного толка забавы. Вот выйдешь замуж – поймешь.

Ася чуть нахмурилась:

– Ты о чем? Хочешь сказать, что Никита и после свадьбы к этой мадам Сюзанне будет хаживать? Пыльцу с розанчиков сдувать?

Юрий устался остолбенело, но потом разразился смехом:

– Ай да Аська! Ай да вострушка! Коли такой окажешься в супружестве, да не только в речах дневных, но и в тиши ночной, то можешь не бояться, что Никита от тебя сбежит. Я бы не сбежал, вот ни за что не сбежал бы, клянусь!

Ася вдруг залилась краской, смутилась, опустила глаза...

«Что это с ней такое? – удивился Юрий. – А вдруг... вдруг она в меня влюблена? В меня!!! А почему бы и нет? Свадьба с Никитой послезавтра, так ведь за эти дни любую игру переиграть можно! Что, если сейчас пасть к ее ногам и признаться в чувствах? Глядишь, дело по-иному перевернется: я всем завладею, и тогда Никитке придется у меня попрошайничать, а не мне у него!»

¹⁴ Лопатник – большой кошель (*устар.*).

¹⁵ Трапé – потаскуха (*франц.*).

¹⁶ Maquerelle – сводня; содержательница публичного дома (*франц. разгов.*).

¹⁷ Фашенэбль (*от франц. fashionable*) – модный, стильный, светский.

Его даже в жар бросило, он даже зажмурился блаженно, как вдруг почувствовал, что кто-то дергает его за руку, и услышал взволнованный Асин голос:

– Юраша, что ты, что?

– Помрачение у него, не иначе! – воскликнул рядом другой голос, поглубже. – Оморок!

Юрий зло раздул ноздри. Он знал за собой такую слабость: иногда до такой степени глубоко погружался в мечты, что с трудом из них выныривал. Самое неприятное, что так властно им одолевали, к сожалению, мечты несбыточные. Держаться презрительно со всеми подряд (кроме, понятное дело, людей именитых и денежных!), напускать на себя цинизм и равнодушные Юрий научился весьма ловко, что давало ему право называть своего родственника Никиту Широкова болваном и мальчишкой (при этом они были почти ровесниками), однако же Никита к бессмысленным мечтаниям вовсе не склонялся в отличие от Юрия!

– Ты его, барышня, по щекам наверни, да покрепче, чтоб очухался! – снова раздался неприятный, грубый голос, и Юрий, открыв глаза, увидел, что Ася смотрит на него испуганно, а извозчик, повернувшись на своем сиденье, откровенно хохочет.

– Молчи, деревенщина! – зло бросил Юрий. – Чего стоим? Поехали!

– Да приехали уж, пока ты, барин, глаза закатывал!

– Ржать у кобылы своей научился, что ль? – процедил сквозь зубы Юрий, и кучер закаптался так, что едва не свалился с козел:

– Да это мерин, неужто не видишь?

Юрий, вспыхнув, рванулся было вперед (припадки лютой ярости были ему свойственны так же, как приступы мечтательности), как вдруг рядом кто-то негромко спросил:

– Что происходит, Анастасия Васильевна? Почему вы здесь?

Юрий повел глазами, увидел рядом с пролеткой незнакомого мужчину и обнаружил, что пролетка стоит уже у крыльца «Купеческой».

Ах ты черт, так ведь уже до места доехали, покуда Юрий свои мечты лелеял!

– Ох, извините бога ради, но с этим домом вышло что-то непонятное, он оказался заперт... – несвязно начала объяснять Ася.

– Асенька, как ты сюда попала?! – услышал Юрий веселый девичий голосок.

Ну вот, и Лика тут как тут. И несказанное изумление на личике. Все как по нотам разыграно!

Девушки трещали как сороки, а Юрий настороженно уставился на незнакомца. Тот был роста выше среднего, на первый взгляд лет около тридцати.

Юрий по привычке всякого бонвивана¹⁸ первым делом оценивал одежду.

Черный матовый (сразу видно, что из бобрового фетра, дорогой, разорительно-дорогой!) цилиндр тот держал в левой руке, а правой поддерживал Асю, помогая ей выйти из пролетки.

Серый сюртук сидит как влитой; под черными панталонами со штрипками угадываются мускулистые ноги умелого всадника или привычного пешехода. Башмаки, конечно, лакированные. Жилет серый; галстук, или шейный платок, завязан безупречным и в то же время затейливым узлом, как если бы этот человек внимательнейше проштудировал трактат Оноре де Бальзака «Искусство ношения галстука» (Юрию книгу сию раздобыть не удалось, только наслышан был о ней); в петлице никакой булавки, никакого пошлого цветка.

Скромно и элегантно.

Юрий, остро ощущая, что серый фрак его под мышками зашит не слишком умело, башмаки не блестят и пошло скрипят, на лиловом жилете вульгарные бронзовые пуговицы (зря надеялся, что сойдут за золотые!), цилиндр так и блестит (шелк третьесортный!), а от завитых волос несет помадой «Violette»¹⁹, неприязненно взглянул в лицо незнакомца.

---

¹⁸ Бонвиван (от франц. bon – добрый, хороший и vivant – живой, бойкий) – щеголь, фат, прожигатель жизни.

¹⁹ Violette – фиалка (франц.).

Лицо загорелое, обветренное; со лба на щеку спускается узкий бледный шрам. Бакенбарды выглядят замечательно ухоженными, однако темно-русые, с чуть заметной проседью на висках волосы попросту зачесаны назад: надо лбом никакого модного кока. Не жжет, стало быть, волосы раскаленными щипцами для завивки ежеутренне! Брови близко сходятся к переносице, придавая лицу вид не то настороженный, не то хмурый; карие глаза смотрят холодно, неприветливо, узкие губы чуть поджаты... Презрительно поджаты, показалось Юрию, который был мнителен и обидчив!

– Лытки подбери, молодой, чего выставил на полдороги! – донесся до него пренебрежительный голос извозчика. – Не ровен час, колесом отхрюпает! Опосля вожгайся с тобой!

– Что ты сказал? – удивился незнакомый человек. – Это что же за язык такой?

– Да я не вам, сударь, а тому вон господинчику, – весело сообщил извозчик, мотнув бородой в сторону Юрия. – Что ж до языка, то все кучера в Нижграде промеж себя этак-то калякают. И лихачи, и «ваньки», и ямщики, и всякие прочие погонялки. Мы друг дружку понимаем, а нас не всяк поймет!

– Но давеча, на Рождественке, ты нормально говорил... – хлопнул глазами Юрий, который отродясь не слышал ни о каком таком особенном наречии, но извозчик только ухмыльнулся:

– Нонеча не то что давеча! Засим прощевайте, господа хорошие! Вам, барышня, жениха доброго, а вам, сударь, – извозчик взглянул на незнакомца и сделал движение, словно хотел почтительно сорвать с головы «гречневик», но почему-то передумал и только поглубже его насунул, – а вам прибыли без убыли!

– Спасибо большое вам, – оторвалась наконец от болтовни с Ликой Ася. – Пожалуйста, Федор Иванович, расплатитесь с этим добрым человеком, он нас так выручил, а я, растяпа, все деньги в Хворостинине забыла!

– К счастью, я нигде ничего не забыл, – сухо проговорил незнакомец и вручил извозчику полтинник.

Юрий скрипнул зубами от жадности.

Вот ведь швыряется деньгами! А тут сидишь весь в долгах как в шелках!..

Извозчик убрал монету и снова рывкнул на Юрия:

– Лытки подбери, кому говорено! То суетился, как бешеная тарашка, а теперь маято маятом!

Юрий только сейчас сообразил, что одной ногой стоит на приступочке пролетки, а другой на земле. Неуклюже соскочил с приступки, и зловредный погонялка наконец укатил.

– Федор Иванович, с Ликой Болотниковой вы уже знакомы, а теперь я рада представить вам Юрия Диомидовича Хохлова, приятеля детства моего, – сказала Ася. – Юраша, познакомься с господином Даниловым, другом покойного батюшки и моим опекуном.

Юрий кое-как выбрался из пролетки и, протянув руку, встретил крепкое пожатие широкой ладони с жесткими бугорками мозолей.

Он и без Асиного представления угадал, кто этот человек.

Ну да, Федор Иванович Данилов, явившийся из глубины, так сказать, сибирских руд разбойник (об этом свидетельствует шрам, оставленный, конечно, ножом такого же лихого черта, как сам Данилов) и скоробогач. И он еще смеет презрительно кривить губы на приличного человека! На отпрыска дворянского рода!

Подумаешь, фрак вот-вот лопнет под мышками! Подумаешь, цилиндр лоснится, а кок надо лбом пережжен щипцами! Это все скоро переменится самым разительным образом. И тогда господин Данилов узнает свое место. А пока надо быть с ним начеку! Ведь эта тварь, конечно, – тварь опасная...

* * *

Вечером того же дня, все-таки устроив свою подопечную в шумной «Купеческой», но по соседству со своим номером (пусть под присмотром будет!) и расспросив о подробностях ее злоключений, Федор Иванович Данилов решил произвести расследование и, прихватив небольшую светло-коричневую кожаную сумку, сделанную по его собственному заказу на манер изобретенного французами «портэфёя»²⁰ (с этой сумкой Данилов никогда не расставался, потому что там хранились важнейшие бумаги), вышел из номера в сопровождении молодого тунгуса²¹ Ульяна, своего друга и слуги. Вообще-то его имя было Улген, ну а Ульяном звали просто по созвучию с русским именем.

В коридоре Данилов отчетливо расслышал смешки и болтовню, доносившиеся из-за двери его подопечной. Не сдержав любопытства, стукнул, ожидая вопроса «Кто там?», однако услышал веселое:

– Да где же ты столько времени шляется?! Входи скорей! – и споткнулся от удивления.

Потом раздался возмущенный Асин визг:

– Нет, нельзя, нельзя!

Вслед за этим дверь распахнулась, и перед ошарашенным Даниловым предстала миленькая, хотя и несколько востроносенькая девица в неприглядном платьишке. Ее легко можно было принять за горничную, если бы Данилов совершенно точно не знал, что это Лика Болотникова – давняя подруга Аси. Лику он видел сначала в Хворостинине, а сегодня – около «Купеческой», когда смешной болтливый извозчик привез Асю и ее франтоватого приятеля после приключений на Рождественке. Поначалу Лика показалась Данилову застенчивой и скромной, в точности как Ася, а теперь черные бойкие глаза ее сияли, на лице цвела игривая улыбка. Она была похожа на маленькую бойкую птичку. Ульян на своем языке называл ее «турачан» – «сорока», хотя, на взгляд Данилова, ей больше подошло бы название «белика», то есть «ласточка». Однако беликой Ульян назвал Асю, что Данилова удивило. И не только назвал ее так Ульян, но и, бормоча: «Шаман и его волшебство сопровождают человека от его рождения и до смерти!» – еще в Хворостинине покрутил над девушкой сплетенный из множества веревочек и нитей браслет – гилаптун, к которому были прицеплены кусочек кожи, вырезанный из унгувуна, шаманского бубна, ласточкино перышко и крошечный золотой самородок, имеющий форму мужского детородного органа. Ася, по невинности и скорости свершения обряда, едва ли разглядела неприличный предмет, да и вообще не поняла, что происходит, даже немного перепугалась, зато потом Ульян объяснил Данилову, что призвал благословение богов, которые дадут «белике» счастье с тем мужчиной, женой которого она станет.

С Никитой Широковым, стало быть, обретет счастье Ася.

С Никитой Широковым, к которому она прибудет с богатым приданым, о коем позаботился Данилов...

Почему-то при имени Никиты Широкова Данилову и раньше становилось тоскливо, и теперь тоска взяла.

Да ну, что за ерунда!

Итак, он вошел в комнату.

---

²⁰ Первоначально и довольно долго слово «портфель» (*от франц. portefeuille* – несу лист бумаги) произносилось именно так – «портэфёй», и это, кстати, в отличие от современной общепринятой формы «портфель» вполне соответствует французскому произношению.

²¹ В описываемое время так называли представителей всех сибирских и дальневосточных народностей.

Завидев его, Лика отпрянула было, но потом торопливо пригладила свои смоляные волосы, и без того гладко обливавшие ее голову, сделала книксен²², закатилась смехом:

– Ой, простите! Простите, Федор Иванович! Мы думали, это Юрий пришел! – и, схватив Данилова за руку, повлекла его в комнату, приговаривая: – Входите хоть вы, взгляните, какое прелестное платье, какой миньон!²³ Вкус у вас отменный, Федор Иванович!

– Нельзя сюда! – чуть ли не сквозь слезы провизжала Ася, и Данилов увидел ее стоящей на табурете в сорочке и короткой нижней юбке, с оголенными плечами и ногами, прижавшую руки к груди. Мельком Данилов удивился необычайной стройности ее ног с тонкими щиколотками, этим скульптурным коленям, этим стопам с высоким подъемом и красивыми пальцами – да вообще изяществу всей фигуры удивился. В одежде Ася выглядела совсем невзрачной – может быть, потому, что одежда была такова. Данилов на правах опекуна предпринял некоторые меры, чтобы исправить дело, и, судя по словам Лики, меры оказались весьма удачными.

Данилов покачал головой. Его подопечная, конечно, воплощение невинности и добродетели. Ишь как перепугалась при виде мужчины! Ну ничего, жизнь отучит ее бояться этого существа... хотя, вполне возможно, приучит бояться еще пуще. В любом случае узнает, что это за птица!

Вспомнился забавный водевиль «Бабушкины попугаи», виденный Даниловым в Москве. В нем рассказывалась история двух девиц, которых заботливо оберегали от всякого знакомства с мужчинами. И когда двое молодых людей все-таки проникли в сад, где прогуливались девушки, то их воспитательница мадам Курмонд принялась уверять, будто это не люди, а попугаи особой породы. Девицы, однако, быстро смекнули, в чем дело и что за птица – попугай!

Именно о том и пелось в популярных куплетах из этого водевиля:

Как девиц ни уверяй,
Но узнают, верно, сами,
Что за птица попугай!

Рядом с Асиным стулом топталась полненькая девица в сарафане, холщовой рубаше и в платочке – очевидно, горничная. Она держала в руках что-то пышное, шуршащее и шелестящее бирюзового цвета.

По креслам и стульям были навалены другие одеяния, заказанные Даниловым для Аси у самой известной городской модистки, мадам Жаклин.

Извинившись за вторжение, Федор Иванович шагнул назад, прихлопнул дверь и мысленно процитировал, хоть и несколько посвоевольничав, строки из знаменитой комедии «Горе от ума», которую в свое время читал в списке²⁴, тайно доставленном в Енисейск для одного из сосланных туда бунтовщиков-декабристов: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой барышни опекуном!»

– Фу, Аська, какая ты невежа! Федор Иванович старались, заказывали для тебя приданое, а ты гонишь их прочь, – донесся из-за двери голос Лики.

– Да как же тебе не стыдно было их зазывать, когда я раздета! – жалобно вскрикнула Ася, а Лика хохотнула:

– Чего ты так застеснялась? Господин Данилов твой опекун, это же все равно что отец!

---

²² Книксен – поклон с приседанием, не столь глубоким, как при реверансе.

²³ Mignon – милый, трогательный (*франц.*).

²⁴ Впервые на русском языке (со значительными сокращениями) комедия «Горе от ума» была опубликована уже после смерти А. С. Грибоедова, в 1833 г., до этого же, и долгое время потом, ходила по рукам в списках.

– Какой он мне отец?! – возмущенно закричала Ася. – Он чужой мужчина, а ты меня напоказ... напоказ меня выставила! И не вздумай впустить сюда Юрия, слышишь?! Иначе я тебя выгоню вон! Выгоню вместе с твоей Марфой!

Марфой, смекнул Данилов, звали, видимо, горничную.

– Да ты что, Асенька, взбесилась? – возопила Лика. – Как у тебя язык повернулся?!

– Вот так и повернулся, – огрызнулась Ася. – Немедля пошли Марфу встретить Юрия и сказать, чтобы не вздумал здесь появиться!

– Полно вам, барышня, злиться, – примирительно прожурчала горничная. – Юрий Диомирович вам такую услугу оказали...

– Что-о?! – возмущенно протянула Ася. – А ты откуда об этом знаешь?! Или уши навести да подслушала, как они с Ликой судачили?

– Ну так как же иначе, барышня? – без всякого смущения ухмыльнулась Марфа. – Нашей сестре нельзя уши да глаза не вострить, иначе господам к месту да ко времени не услужим!

– Ладно, коли хочешь мне услужить, останови Юрия, чтоб не совался сюда. Не желаю его видеть! – огрызнулась Ася.

Данилов удивленно качнул головой. Оказывается, его застенчивая и робкая подопечная не так уж застенчива и робка. Ишь как стришет – словно ласточка крыльями в вышине. Белика она и есть белика!

– Да как же? – растерянно спросила Марфа. – Ежели я платье положу, оно ведь помнется!

– Потом выгладишь! – обиженно и со злостью приказала Лика. – Иди, говорят, ну что за манера вечно перечиться!

Дверь распахнулась. Данилов не успел посторониться, и выскочившая Марфа уткнулась в него пышной грудью, которая оказалась весьма упругой.

Федор Иванович хмыкнул.

– Простите великодушно, барин! – Марфа сверкнула глазами, потупилась и понеслась было дальше, потирая щеку, но тут на ее пути оказался Ульян, стоявший чуть поодаль в ожидании Федора Ивановича.

– Ой, кто это? – резко остановившись, воскликнула Марфа не без испуга. – Ты чего здесь стоишь, косоглазенький? Тебя как зовут?

Тунгус растерянно отпрянул.

– Его зовут Ульян, это мой слуга, – проговорил Данилов, и Марфа оглянулась – на сей раз с игривой улыбкой:

– Слуга ваш, значит? Ишь какой... – И она побежала дальше, проворно перебирая скрипучими лапотками. Пышное тело ее колыхалось, сарафан вился вокруг ног, темно-русская коса, свесившись из-под платочка, смешно подпрыгивала на поясице...

Девушка свернула за угол коридора. Данилов насмешливо взглянул на слугу, который с озадаченным видом топтался на месте:

– Чего ты окаменел, Ульян? Неужели эта гэе²⁵ тебя напугала?

Тот смущенно пожал плечами. Тунгус был еще молод и русских барышень робел.

Федор Иванович постоял, по-прежнему прислушиваясь к тому, что творилась за дверью Асиной комнаты.

Иногда оттуда доносились всхлипывания. Данилов предположил, что это Лика выплакивает прощение у внезапно разозлившейся подруги, которая – возможно, впервые в жизни! – показала, что у нее есть характер.

---

²⁵ Гэе – красавица (*эвенк.*).

Впрочем, Федору Ивановичу пора было идти по своим делам. Поманив за собой Ульяна, он начал быстро спускаться со второго этажа, в котором жил, как вдруг его внимание привлекла некая возня под лестницей.

– Ну ладно, не пойду к барышням, но ты мне дай, сейчас дай, – задыхаясь бормотал мужчина, однако его окорачивал мягкий говорок Марфы:

– Ах нет, голубчик Юрий Диомидович, мне Гликерия Ильинична глаза выцарапает! Ах, оставьте меня, не кусайте в шею, заметят синяки-то!

– Ладно тебе играть, игрунья! – жарко выпалил мужчина. – Ну, дай! Не доживу до ночи!

– Вот и ладно, что не доживете! – строптиво пропыхтела Марфа, видимо, сиюсь вырваться из его объятий, но ей это, похоже, не удалось, потому что раздалась звуки пылких поцелуев, и Данилов, испугавшись, что его могут застать подслушивающим, слетел с лестницы и, в два шага проскочив вестибюль, выскочил на улицу.

Ульян так и вылетел следом. Его узкие глаза стали почти круглыми от изумления.

– Да, – покачал головой Федор Иванович, – вот такая гэе!

– Сулаки мудурэнмэмэ!²⁶ – сердито бросил Ульян.

Итак, и Марфа получила тунгусское имя.

Ну что ж, тут Ульян угадал, девка-то хитрованка! Если Ася теперь выйдет за Никиту, для Лики будет большой удачей поймать в свои сети Юрия. А тут аппетитная горничная дорогу переходит... Впрочем, горничную Юрий всяко замуж не возьмет. А вот Лику-бесприданницу возьмет ли?..

– А его как бы ты назвал? – с любопытством повернулся к Ульяну Данилов. – Этого Юрия – как назвал бы?

– Ними миримэкли, – буркнул Ульян.

Данилов не мог сдержать смеха: эти слова значили «пестрый глухарь». У тунгусов глухарь – символ глупости и доверчивости. Но вот тут Ульян, пожалуй, ошибся, ох ошибся!..

– Далеко ходить, Федор? – спросил тунгус.

– Да нет, почти рядом. Где вчера были.

– Плохо! Близо! – вздохнул Ульян, которого хлебом не корми, дай только пройтись пешком: знать, напоминали о себе те времена, когда он отмеривал расстояние не верстами (даже слово такое было ему раньше неизвестно!), а днями пути. Он томился в Нижграде еще сильнее, чем Данилов, и тот не мог не улыбаться, вспоминая, как во время поездки в Хворостинино Ульян порой выскакивал из повозки и не то шел, не то бежал вдоль дороги, углубляясь в окрестные леса, хоть в малой степени утоляя тоску по тайге. Впрочем, здешние леса он всерьез не воспринимал и сокрушенно постанывал иногда: «Это не сигикат, нет, это конули!²⁷» Однако в городе он никогда не шел рядом с Даниловым – всегда на несколько шагов отставал. Тоже давала себя знать привычка таежника, тем паче таежника-золотоискателя, – привычка прикрывать от нападения спину напарника, несущего добычу, высматривать того, кто может выстрелить в него.

Что и говорить, Данилов и сам даже в городе, даже вдали от тайги, даже в *России* (так сибиряки называли те края, что лежат западнее Урала) не мог отделаться от привычки отовсюду ждать подвоха, это в лучшем случае, нападения зверя ли, человека – это в худшем. Человека, который выстрелит в спину...

Именно так погиб Василий Хворостинин, и воспоминания об этом иногда налетали на Данилова, словно черные вороны с железными ключами!

Чтобы отогнать злую стаю, которая норовила заклевать его до смерти, Федор Иванович ускорил шаги, таращась по сторонам и надеясь отвлечься.

---

²⁶ Сулаки мудурэнмэмэ – лиса хитрющая (*эвенк.*).

²⁷ Сигикат – тайга; конули – пусто, пустота (*эвенк.*).

После размашистого Енисейска, его родного города, после долгих лет, проведенных в тайге, все здесь казалось как бы тесноватым. Нижград выглядел неряшливым, построенным беспорядочно и нелепо; его уродовали овраги, отлоги которых были утыканы низенькими, бедными домишками и куцыми огородиками. Волга и ее высокие правые берега несколько примиряли с общим впечатлением, но и Волге, конечно, оказалось далеко до Енисея. Если бы не данная Василию Хворостину клятва, Данилов никогда бы сюда не приехал! Однако ему следовало выдать замуж дочь Хворостина – и при этом позаботиться о том, чтобы она не попала в кабалу к Широковым.

* * *

Об этой семейке Данилов был наслышан и от самого Хворостина, и от Аси. Василий Петрович упоминал о Широкове-старшем со смесью самой горячей дружбы с такой же горячей ненавистью; Ася тоже ненавидела человека, погубившего ее отца. Почему же этой свадьбе непременно следовало состояться?! Да потому, что Хворостинин был человеком слова и до самой смерти оставался верным обещанию, которое дал другу, впоследствии предавшему его. Что же касается Аси...

У Федора Ивановича сложилось не слишком лестное мнение об этой девушке. Высокая (ростом почти с него), худая, бледная, застенчивая порой до неуклюжести, она была совершенной противоположностью сибирячкам, которых Данилов считал самыми привлекательными женщинами на свете. И дело было не только в их свежих бело-румяных лицах, не только в их приманчивой стати. Если Ася превосходила многих из них начитанностью (Хворостинин хвалился своей домашней библиотекой, а вот в Енисейск газеты и журналы поступали с огромным опозданием, книжные же собрания имелись только у немногих лиц, в числе которых, на счастье Данилова, был его отчим, местный промышленник), то сибирячки обладали такой жизненной силой, о которой Ася Хворостина могла только мечтать.

Впрочем, от одной такой «жизненной силы» Федор Данилов некоторое время назад и сбежал в тайгу безвозвратно, так что все хорошо в меру!

Ася, даже после всех перенесенных унижений, соглашалась выйти за Никиту Широкова, потому что этого пожелал в свое время ее отец. Но однажды она невзначай призналась Данилову, что намерена восстановить Широкополье, где когда-то, еще в детстве, частенько гостила и которое осталось в ее памяти истинным образцом красоты. Теперь Широковы обеднели, имение было разорено. А вот у Аси появились деньги, и она лелеяла надежду, что ее дети будут когда-нибудь жить в этом прекрасном доме, гулять в этом прекрасном саду, что им будут принадлежать окружающие поля и леса, ныне проданные за долги, но Ася эти просторы мечтала откупить!

Данилов, надо сказать, давно усвоил, что впечатления детства теряют свои обаятельные краски, когда человек взрослеет. И подозревал, что Асей владеет не столько желание вернуть прошлое, сколько страстная охота восторжествовать над теми, кто унижал, отвергал ее, кто стал причиной ссылки отца – и его гибели. Ну что ж, это Федору Ивановичу было вполне понятно, хотя он не слишком-то верил, что Ася выдержит взятую на себя роль. Наверняка она была когда-то влюблена в Никиту Широкова и продолжает любить его до сих пор, несмотря на все обиды и горести, причиненные ей Широковыми.

Ох уж эти вечные Сандрильоны с их терпеливым ожиданием глупого как пробка и явно подслеповатого принца с запыленным, изрядно потрескавшимся стеклянным башмачком!²⁸

Федор Иванович еще не видел жениха (Никита должен был встречать невесту и ее посаженого отца, то есть Данилова, в Широкополье, где и предстояло венчаться в местной сельской

---

²⁸ В сказке Перро Сандрильон(а) получила от волшебницы-крестной именно стеклянные башмачки (les pantoufles de verre).

церкви), но, судя по описаниям, он должен напоминать Юрия Хохлова, с которым его нынче познакомил Ася и который тискался под лестницей с Марфой.

Данилову этот молодой человек сразу показался очень себе на уме! Одежда его выглядела поношенной и не больно-то хорошего вкуса, однако Федор Иванович, который совсем недавно сам начал одеваться комильфо, относился к этому снисходительно. Он и сам порой взирал на свое отражение в зеркале озадаченно, а по утрам, просонья, так и вовсе себя не узнавал, поскольку в снах своих оставался прежним: заросшим бородой, с волосами, стянутыми замызганным платком, чтобы не мешали работать, иногда в накомарнике; видел себя одетым в перемазанный глиной и землей зипунишко, в такие же грязные штаны и сапоги. Руки его, теперь ухоженные и обтянутые лайковыми перчатками, еще недавно были покрыты цыпками, пальцы сбиты, а ногти обломаны от непрерывного перебирания камней и комков глины в промывочном лотке – в надежде, что повезет и он сможет отыскать наконец в грязной воде достойный самородок, и не один.

Ну что ж, ему однажды повезло, очень повезло!

Хоть и не с промывочным лотком...

Почему Юрий Хохлов (этот пестрый глухарь, по словам Ульяна) столь своевременно появился около дома мадам Сюзанны, куда обманом завезли Асю? Этот вопрос не давал Федору Ивановичу покоя.

Опоздай Юрий буквально на минуту, и следов этой простодушной девушки было бы не найти даже Данилову, хотя ему не раз приходилось в тайге идти по следу зверя или врага, чтобы настигнуть их.

Появление Юрия – счастливая случайность? Нет слов: жизнь не раз убеждала Данилова в том, что счастливых случайностей происходит иногда так много и они так ловко сходятся одна к одной, что в них даже не верится. И все-таки следовало хорошенько поразмыслить над этим вопросом. Тем более что необходимо было выяснить, куда пропала подлинная госпожа Брагина и почему вместо нее Асю встретила мадам Сюзанна.

Госпожа Брагина перепутала время встречи, и вышеназванная мадам воспользовалась этим, проворно придумав жуткую историю про заразного постояльца? Ну, господа... эта случайность относилась именно к разряду тех, в которые Данилов не был готов поверить!

Размышляя, Федор Иванович добрался наконец до известного ему дома на Ильинке, но обнаружил его запертым. Ася рассказывала, что ставни все были заложены болтами, а дверь закрыта на замок. Так же обстояли дела и сейчас.

Пожав плечами, Данилов прошел немного по Вознесенской улице, свернул на Телячью и направился к угловому дому. Он уже был здесь вчера, когда стоваривался с госпожой Брагиной, которая в этом доме постоянно жила, а тот, что находился на Ильинке, сдавала внаем.

Однако и этот дом Брагиной казался запертым!

Но только казался: присмотревшись, Данилов увидел, что входная дверь чуть приоткрыта, замок зацеплен за скобу и даже ключ торчит из скважины.

Похоже, госпожа Брагина собралась уходить, однако по какой-то причине вернулась – ясно, что ненадолго, иначе она забрала бы и замок, и ключ с собой в дом.

Данилов шагнул было к двери, как вдруг оттуда высунулся пухлый узел, увязанный в пестрый платок, а затем показалась и державшая его худощавая особа в черном салопчике и платке.

Батюшки, да ведь это госпожа Брагина! Собственной персоной!

– Федосья Николаевна! – воскликнул Данилов приветливо. – Рад встрече!

Хозяйка обернула к нему испитое лицо с ввалившимися щеками, ахнула и проворно метнулась обратно в сени, однако Данилов оказался еще проворней и успел не только вскочить вслед за ней в дом, но и поймать хозяйку за руку.

Света, проникающего из дверей, было достаточно, чтобы увидеть, как испуг на лице Брагиной сменился негодованием.

– Что это вы, сударь, на людей этак кидаетесь? – прошипела она. – Тут вам, знаете ли, не сибирские края, где всякому зверю и татю ночью привольно!

Данилов снял цилиндр:

– Неужто вы меня не узнали, Федосья Николаевна? Это я, Федор Иванович Данилов.

– Да я вот и говорю, что вам тут не сибирские края, из которых вы явились... – начала было она с прежней запальчивостью, однако осеклась и поджала свои тонкие губы так плотно, словно собиралась их прожевать.

Данилов прищурился:

– А кто вам, дражайшая Федосья Николаевна, поведал о том, что ваш покорный слуга прибыл из Сибири? Я, помнится, в подробности своего жизнеописания не вдавался.

Брагина молчала. Судя по морщинам, собравшимся на лбу, она изо всех сил пыталась придумать достойный ответ.

Данилов терпеливо ждал.

– Это я вообще сказала про сибирские края, – наконец выдавила Брагина. – Просто так. К слову пришлось. С чего вы взяли, что про вас речь шла? – С каждым словом она поддавала пылу-жару: – А уж коли вы сюда приперлись, сударь, извольте объясниться, куда ваша подопечная девица запропала? Я ее целый день на Ильинке попусту прождала. А вы, ежели деньги свои желаете обратно получить, то совсем напрасно на это надеетесь! Кабы не ваши происки, я бы другим господам сдала жилье, да еще и подороже! Так что ваши деньги пойдут в возмещение моим неприятностям!

К окончанию своего монолога госпожа Брагина покраснела и приняла уверенный и даже воинственный вид.

Данилов оставил без внимания и «приперлись», и «происки», и «возмещение неприятностям», и «целый день попусту прождала». Проговорил спокойно и даже, можно сказать, приветливо:

– Федосья Николаевна, вы зря так волнуетесь. Никаких денег я с вас требовать не намерен, да и вообще – я уже нашел для моей подопечной другое жилье.

– Да что вы говорите! – хохотнула Брагина. – Уж не на Рождественке ли?

«Ого!» – чуть не воскликнул Данилов, однако спросил с прежней приветливостью:

– А почему это вы, Федосья Николаевна, про Рождественку вдруг заговорили? Откуда вам известно, что мою подопечную должны были туда завезти после того, как на Ильинке ее встретила некая особа весьма неприглядного поведения, назвавшаяся вашим именем?

Воинственность госпожи Брагиной растаяла подобно майскому снегу под майским же солнцем. Лицо ее выразило такой ужас, что Данилову показалось: сейчас эта мещанка хлопнется без чувств, словно какая-нибудь представительница высшего общества, в котором обмороки нынче сделались чрезвычайно модны. Однако госпожа Брагина оказалась крепка: швырнула свой узел в Данилова, а сама кинулась к двери и уже почти выскользнула вон, как вдруг жалобно запищала и попятилась.

Данилов посторонился, чтобы женщина не наткнулась на него, и Брагина отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену. При этом она непрестанно осеняла себя крестным знаменем и что-то беззвучно шептала – очевидно, молитву, которую принято творить при встрече с нечистой силой. Глаза ее были выкачены от ужаса и устремлены на уличную дверь, в проеме которой внезапно появился... нет, вовсе не черт, а узкоглазый человек в плисовых штанах, мягких сапожках, коротком неподпоясанном зипуне и картузе с тряпичным козырьком. Он был невысокий и настолько поджарый, что мог бы сойти за подростка, кабы не серьезное, даже недоброе выражение узкоглазого плоского лица.

Данилов с трудом подавил усмешку. Ульян, когда хотел, умел придавать своему узкоглазому лицу выражение очень даже устрашающее. Вдобавок он держал руку под полою зипуна с таким видом, словно у него там на веревочной петле был привешен топор.

А почему бы и нет, собственно говоря? Хоть Нижграда цивилизация в той или иной мере достигла, все же его окрестности оставались еще вполне дремучими. Память о разбойничьей Ошаре жила не только в названии улицы и площади! И манера носить под армяком либо зипуном топорик, а то и обрез была в этих окраинах довольно распространена.

Кстати, именно появление Ульяна и заставило строптивую модистку мадам Жаклин поклясться, что приданое для мадемуазель Хворостининой будет готово в срок.

Ну и госпожа Брагина перепугалась до онемения.

– погоди, Ульян, – слегка улыбнулся Данилов. – Я сам это дело улажу.

Тунгус послушно отступил за порог.

– Ну, я слушаю, Федосья Николаевна, – спокойно вымолвил Данилов.

Потребовалось некоторое время, чтобы госпожа Брагина снова обрела дар речи, но уж после этого не составляло труда вызнать у нее, что требовалось. Более того, поток ее признаний приходилось иногда замедлять!

Не прошло и четверти часа, как Федору Ивановичу стало известно, что рано поутру госпожу Брагину вот в этом самом доме на Телячьей улице навестили двое: молодой человек и молодая дама. Хозяйка была так ошарашена весьма немалой суммой, которую ей с порога предложили посетители, что ни на одежду, ни на облик их особого внимания не обратила. Вроде бы дама была невысокого роста, в клетчатом платке, закрывавшем и голову, и фигуру, господин, наоборот, довольно высокий, в накинутом на плечи плаще и в картузе, надвинутом на лоб так, что лица не разглядеть. От Брагиной требовалось не являться сегодня в дом на Ильинке, который она сдала господину Данилову (этому «неотесанному сибиряку», как аттестовала его гостя) и куда должна была около полудня приехать девица по имени Анастасия Васильевна Хворостинина.

Федосья Николаевна вечно испытывала нужду в деньгах (а кто ее не испытывает, скажите на милость?), поэтому согласилась не манежась. Однако любопытства она унять не смогла и как раз около полудня ощутила неодолимую охоту пройти мимо того самого дома, но по противоположной стороне Ильинки. Ей пришлось профланировать туда-сюда несколько раз, пока она не заметила около дверей не кого иного, как Секлетю Фоминичну Разуваеву, называемую чаще мадам Сюзанной: держательницу блудилища, которое находилось на Рождественке.

Откуда эту особу знала госпожа Брагина? Да оттуда, что у нее имелась двоюродная сестра, которая жила неподалеку от означенного блудилища. Именно она когда-то показала Федосье Николаевне на улице Сюзанну и открыла род ее занятий.

Любую отъявленную ханжу (а госпожа Брагина принадлежала к сонмищу таковых) чрезвычайно возбуждает даже намек на малейшую непристойность, именно поэтому она зачастила к своей родственнице, чтобы лишний раз пройти мимо блудилища и ощутить блаженный приступ отвращения ко грехам человеческим. Во время своих прогулок Брагина частенько встречала Секлетю Фоминичну, потому сразу ее узнала. А когда Разуваева и приехавшая девушка сели в пролетку, госпоже Брагиной не составило труда угадать, что Сюзанна заполучила в свои лапы новую жертву, которая вряд ли от нее вырвется.

День клонился к сумеркам, когда Федосью Николаевну начали терзать неприятные предчувствия. Она смекнула, что «неотесанный сибиряк» вполне может наведаться к своей подопечной и, не обнаружив ее на Ильинке, заявится на Телячью улицу, чтобы потребовать от Брагиной разъяснений. Именно поэтому Федосья Николаевна решила на время скрыться у двоюродной сестрицы. Как известно, береженого и бог бережет! Она уже связала в узел вещи, которые могли понадобиться, и только-только сделала несколько шагов прочь от дома, как

вдруг вспомнила, что кое-что позабыла. Ну вот и вернулась... чтобы попасться на глаза Данилову.

Выслушав все это и визнавав еще кое-какие подробности о визитерах (незначительные, впрочем, подробности, поскольку у Брагиной от страха поотшибло-таки память), Данилов ушел не простившись.

Федосья Николаевна перевела было дух, однако оказалось, что сделала она это преждевременно, потому что в следующую минуту в дом снова заглянул узкоглазый слуга Данилова и сурово проговорил:

– Аси, ча!²⁹ Скажешь кому-то про Федор, тебе мэкчэрэ будет, ой-ой, больно!

Поскольку узкоглазый изобразил, будто откусывает свой язык, приказ молчать Брагина поняла быстро. Но еще быстрее она постигла смысл слова «мэкчэрэ», поскольку, произнеся его, узкоглазый вынул руку из-под полы своего зипунишка, и, как следовало ожидать, в ней оказался небольшой, но увесистый топорик.

У госпожи Брагиной подкосились ноги. Она плюхнулась на пол и надолго онемела. Дар речи и владение членами вернулись к ней не скоро – к тому времени злоеший тунгус не только покинул ее жилище, но и успел дойти до «Купеческой», по-прежнему следуя за Даниловым, который шел неспешно, поскольку был погружен в размышления.

* * *

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил наконец Федор Иванович, косясь на Ульяна.

– Я думаю, что шкуру белки надо очень тщательно очищать от мездры.

Федор Иванович не удержался от смеха. Ульян частенько выражался столь замудренно, что приходилось крепко призадуматься, чтобы догадаться о смысле его слов. Ох как ошибался тот, кто считал Ульяна тугодумом бессловесным! Этот тунгус был как раз из тех, на кого надеялся Пушкин, когда писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Русский язык Ульян усвоил очень быстро – отчасти благодаря тому, что и до встречи с Хворостининым и Даниловым он частенько общался с русскими промысловиками и золотоискателями. Но грамоте и арифметике его научил именно Данилов, и скоро тунгус уже мог назвать точное число дней, которое предстояло пройти: например, говорил точно – илалла, то есть три дня, вместо неопределенного илаллакса – дескать, будем идти завтра, потом еще день и еще потом...

Впрочем, и Данилов многому научился за время дружбы с Ульяном. Понял, что, во-первых, тунгус воспринимает мир совершенно иначе, чем русский человек, а во-вторых, будучи внуком и правнуком шаманов, он посвящен в некие тайны и многое видит, как говорится, насквозь. Не зря его настоящее имя было Улген: тот, кто держит в руках обрядовые нити. Те самые нити, которыми шаманы во время обрядов связывали бубен, другие таинственные предметы – и людей, которые должны были помогать вызывать духов.

Но что же Ульян имел в виду сейчас?

– Думаешь, эта аси мне соврала?

---

²⁹ Аси, ча! – Баба, молчи! (эвенк.)

– Нет, просто из лоскута торчит сломанная игла, – проворчал тунгус, провел ладонью перед собой и болезненно сморщился, словно наткнулся на что-то острое.

Данилов задумчиво кивнул. Он не сомневался, что Брагина сказала правду о приходе странной пары. Но откуда ей было знать, какие замыслы ими двигали? А между тем в этих замыслах и крылась сломанная игла, которую сразу не разглядишь, но о которую можно сильно пораниться. Впрочем, Федор Иванович эту иглу заметил сразу и не сомневался: афера с публичным домом была затеяна для того, чтобы расстроить свадьбу Никиты Широкова и Аси Хворостининой. Сам Данилов отнюдь не вел жизнь анахорета: случалось, и в дома веселые хаживал, а значит, был слышан, насколько ловко всевозможные «сюзанны» заманивают простодушных девушек в свои логова. Потом их опаивают маковым отваром, так что первые встречи с клиентами для бедняжек проходят как бы в полусне: девушки почти ничего не сообщают и не в силах противиться насилию. Потом они осознают, что опозорены... некоторые не могут этого пережить и кончают с собой, прочие постепенно свыкаются с новым ремеслом. Поскольку Данилов в отличие от многих мужчин не испытывал никаких пристрастий к невинным девицам, он знал, что греха душегубства какой-нибудь такой глупенькой жертвы «сюзанн» на нем нет. Однако, насколько Федор Иванович успел узнать Асю Хворостинину, она, конечно, немедленно сунула бы голову в петлю, оставив Никиту овдовевшим, так сказать, женихом.

Кому это принесло бы выгоду?

Почти наверняка – Лике Болотниковой.

У Федора Ивановича были немалые основания так думать!

Данилов многое слышал от Василия Хворостинина о прошлом и знал, что его лучшими друзьями были Гаврила Широков и Илья Болотников. Они вместе прошли войну с французами, вместе побывали в Париже, потом вышли в отставку и занялись хозяйством в своих имениях. Хворостинин и Болотников жили не больно-то достаточно, а вот Широков получил изрядное наследство с сотней крепостных душ. Хозяйство было поставлено образцово, и Гавриле Семеновичу предстояло приумножить доставшиеся ему богатства.

Почти одновременно три приятеля сыграли свадьбы. В подтверждение поговорки о том, что денежки льнут к деньгам, Широков взял за себя девицу из богатого дома; невест же Хворостинина и Болотникова, сестер Лукашиных, можно было без преувеличения (или преуменьшения?) назвать бесприданницами. Хворостинин женился на младшей, Сонечке, по горячей взаимной любви; об этой же сестрице мечтал Илья Болотников, однако ему пришлось удовольствоваться старшей, Зинаидой, да и то злые языки болтали, что был он к тому принужден хитрой девицей: мол, дочь Болотникова, Гликерия, родилась слишком уж скоро после свадьбы, хотя недоношенной отнюдь не выглядела.

Еще прежде у Широкова с разницей в два года родились сыновья Константин и Никита; кроме того, в доме рос осиротевший во младенчестве его племянник – Юрий Хохлов.

Костя всегда был весельчак и большой проказник; Никита временами впадал в угрюмость и озлобление; Юраша подражал то одному, то другому, а вообще-то он яростно завидовал обоим братьям.

Дружба отцов продолжалась, а потому Константин был сговорен с Гликерией, ровесницей Никиты, ну а тот – с дочерью Хворостинина Анастасией, бывшей младше Никиты на три года.

Константина в свое время определили в Первый кадетский корпус, чем Гаврила Широков оставался не слишком-то доволен.

Хворостинин рассказал Федору Ивановичу, который был, конечно, несведущ в таких тонкостях, что в то время самым привилегированным из военных учебных заведений, куда попадали лишь представители знатных фамилий и генеральские отпрыски, считался Пажеский корпус.

Исключительно из элиты рекрутировались также воспитанники Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Для поступления в эти школы требовалось свидетельство о включении предков в Шестую часть родословной книги древнего российского дворянства³⁰ или генеральский чин отца. Гаврила Широков не был генералом и не принадлежал к родовитейшему дворянству. Стало быть, путь в оба учебных заведения Косте Широкову был закрыт.

С другой стороны, Широкову невместно было отдавать своего сына и во Второй кадетский корпус, который являлся учреждением благотворительным.

«Золотую середину» между этими двумя образовательными полюсами занимал Первый кадетский корпус, куда зачислили Константина, а потом и Никиту.

Спустя несколько лет Костя и Никита приехали на вакации домой. Юноши отправились на лодке рыбачить на реку Широкопольку; с ними были и Ася Хворостинина, и Лушенька Болотникова. На манер народный Гликерию чаще называли Лукерьей, Лушей. Родители звали Ликой. Мальчишки прозвали ее Лужей Болотной, а также Горем Луковым: уж больно она уродилась слезлива и при этом злоехидна.

Итак, молодежь отправилась рыбачить. Широкополька была не слишком широка, вопреки названию, но весьма глубока, бурлива и порой коварна. Налетел ветер, легонькая лодочка перевернулась. Луша плавала как рыба и тут же ринулась к берегу. Ася же начала тонуть; Константин успел выловить ее из воды и помог забраться на перевернутую лодку; потом поддерживал на поверхности брата, но тут у него свело судорогой ногу. Хворостинин с Широковым, прибежавшие на крики Лушеньки, опоздали: Костя канул в воду и больше не вынырнул. Никиту вытащили полумертвым и едва откачали.

Барвара Михайловна, мать братьев, с тех пор обезножела; Никита остался при ней, забросив учебу, потому что от одной только мысли о разлуке с последним сыном матушка начинала помирать; а Широков-старший со временем то ли повредился в уме, то ли демон какой-то его обуял, однако он люто возненавидел Хворостинина и его семью. И Ася была виновна в том, что Костя погиб, спасая ее (то, что он также брата своего спасал, в счет у Широкова не шло), и сам Хворостинин нерасторопен оказался, когда нырял, пытаясь Костю вытащить... Словом, о прежней дружбе оставалось лишь с печалью вспоминать, и первым следствием разрыва стало то, что Широков больше слышать не хотел о союзе Никиты и Аси. Он устроил столь оскорбительную сцену Хворостинину, что тот, воротясь домой, надолго слег в постель больным, однако старинного друга жалел и пытался понять да простить.

Болотников во всем поддерживал Широкова, ну тот и решил, что теперь самой подходящей невестой для Никиты станет Лушенька. Болотников, конечно, обрадовался и решил поселить непрестанно горящего друга. Зачастили они в Нижград – в игорные дома...

Тем временем Хворостинин повстречался с прежним своим знакомцем по Заграничному походу, сослуживцем по Семеновскому полку, Федором Шаховским. Тот жил теперь в Ардаговском уезде Нижградской губернии, в имени жены, иногда наезжая в город. Василий Петрович как-то раз навестил его. В то время между военными ходили слухи о тайных сообщениях бунтовщиков. Шаховской признал, что входил в Союз благоденствия, помышляющий о царубийстве, присутствовал даже на совещании, где принималось такое решение... Хворостинин был потрясен, накричал на Шаховского, назвал его изменником и немедленно прервал с ним все отношения.

А надо сказать, что Болотников по-прежнему приятельствовал с Хворостининым – в основном благодаря тому, что их жены, родные сестры, часто приглашали друг друга в гости, с мужьями, разумеется. И вот во время одного такого гостеванья Хворостинин под секретом

---

³⁰ В Шестую книгу Российского дворянства записывались древние дворянские роды, чье происхождение начиналось ранее 1685 г.

рассказал Болотникову о том, что узнал от Шаховского. Болотников вскоре проболтался об этом Широкову. Ну а Гаврила Семенович, который только и искал средства для утоления своей мести (выдуманной мести, мести невесть за что!), написал на Хворостинина донос...

Вскоре Шаховской был схвачен, приговорен к каторге и отправился по этапу в Туруханск. Василия Петровича без особого разбора схватили тоже, осудили и сослали в Енисейск.

Жена Хворостинина пыталась отправиться к мужу, однако ей не позволили; тогда она приехала в Санкт-Петербург, бросилась в ноги государю во время одной из его пеших прогулок и передала письмо, в котором уверяла, что муж был арестован по навету.

Николай Павлович велел привлечь к ответу Широкова. Тот не посмел солгать государю и повинился: да, он расчетливо погубил бывшего друга, хотя знал, что Хворостинин с бунтовщиками дружбы не водит... правда, не преминул сообщить, что сведения эти получил от Ильи Болотникова. Однако того уже не было в живых (повозка на крутом повороте опрокинулась невзначай, а может, судьба наградила тем, что заслужил), поэтому вся вина легла на Широкова. Вышел указ о помиловании Василия Петровича Хворостинина. Широков был наказан штрафом в пользу казны, которой пришлось по его вине понести напрасные расходы на суд над оклеветанным, препровождение его по этапу, содержание в ссылке и надзор за ним. Предписано было также уплатить пеню супруге Хворостинина и его дочери.

Но если за исполнением штрафа в пользу государства был строгий присмотр, то за выплатами пострадавшему семейству никто не надзирал. Широков посылал Хворостининым деньги нерегулярно и ровно столько, чтобы мать и дочь не умерли с голоду. И не только жадность была тому причиной! Широков стал завсегдатаем игорных домов Нижграда, Москвы и Петербурга, и в самое короткое время его состояние было безвозвратно брошено на зеленое сукно. Имение осталось непроигранным только чудом, хотя и пострадало немало.

Спустя пять лет после начала ссылки Василий Петрович получил известие о помиловании, а также о том, что слабые легкие и тоска свели его жену в могилу. Он узнал, что в его доме все, что можно продать, было продано – кроме самого дома, жалких остатков обстановки и книг. Совершенно как в Широкополье, хозяину которого теперь просто нечем было исполнять предписанное по суду и поддерживать Асю!

Теперь Василий Петрович сделался одержим мыслью разбогатеть, чтобы восстановить свое состояние. Только тогда он намеревался вернуться домой.

Разбогатеть-то удалось, но вернуться не получилось. Хворостинин был смертельно ранен в тайге и умер на руках Данилова. Выполняя последнюю волю друга, Федор написал Асе о смерти отца и о том, что тот назначил дочери опекуна в лице его, Федора Ивановича Данилова. И главное – рассказал о богатом наследстве, которое привезет ей!

Добравшись до Нижграда и встретившись с Асей, Федор Иванович узнал, что она уже сообщила Широкову эти вести и, сделавшись богатой наследницей, вновь была сочтена самой что ни на есть желанной невестой для Никиты и самой что ни на есть желанной снохой для его родителей. Ну а Лика Болотникова получила, так сказать, отставку...

Неудивительно, что она мечтала расстроить эту свадьбу! Данилов не сомневался, что именно Лика заплатила Брагиной за то, чтобы та уступила свое место Секлетее Фоминичне Разуваевой, более известной как мадам Сюзанна. А вот насчет мужчины, сообщника Лики, имелись сомнения...

Кто это был? Юрий Хохлов? Или Никита Широков, который не хотел жениться на богатой Асе Хворостининой, предпочитая ей Лику и желая во что бы то ни стало разделить с ней нищенскую долю?

Бессмыслица какая-то! Никита, примерный сын, ни за что не огорчил бы отца и большую мать таким пошлым расстройством выгодной свадьбы даже во имя великой любви к бесприданнице Лике.

Кто же мог связаться в аферу в компании с ней? Кому Лика настолько доверяла, что могла выбрать себе в соучастники?

Единственное имя, которое приходило на ум Данилову, было имя Юрия Хохлова.

Что же произошло на Рождественке? Федор Иванович допускал, что Юрий и Лика откуда-то наблюдали за тем, как мадам Сюзанна привезла Асю к своему блудному дому, и тут... тут что-то изменилось в их намерениях.

Что именно?

Они осознали нелепость своего замысла? Или мгновенно выстроили новую интригу, согласно которой Юрий ринулся выручать бедняжку, которую только что был готов предать в цепкие когти развратительницы Сюзанны?

Но зачем это ему?

А уж не затем ли, что племянник Гаврилы Широкова вознамерился совершить благородный поступок и так поразить этим Асю, что она отказалась бы от брака с Никитой и бросилась бы в объятия своего спасителя, заодно передав в его руки богатое приданое?

Данилов пожал плечами.

Сомнительно... весьма сомнительно! Путь в Широкополье для Аси в таком случае закрылся бы, ей пришлось бы жить с Юрием где угодно, только не там, куда она так стремилась.

И, кстати, что в таком случае выигрывала Лика?

Никиту и тот самый разоренный широкопольский шалаш, в котором с милым весьма сомнительный рай?

А что, если... а что, если интрига, скоростижно измышленная этой парочкой, состояла в том, что Ася все-таки выходит за Никиту, он получает ее деньги, а потом внезапно погибает?

И тогда – что? К Асе после смерти мужа возвращается приданое (таковы были условия завещания Хворостинина) – и она выходит за Юрия, который ее недавно выручил и спас ее репутацию? А потом настает черед и ей умереть, после чего овдовевший Юрий и Лика идут к венцу и наслаждаются плодами своего безжалостного заговора?

Данилов задумчиво прищурился. Его размышления могли бы показаться слишком уж неправдоподобными; возможно, он наделял Лику и Юрия чрезмерно изощренной безжалостностью, однако...

В библиотеке его отчима имелось несколько книг Василия Лёвшина, Михаила Попова и Михаила Чулкова³¹, и это были любимые книги Федора Ивановича, потому что отличались авантюризмом сюжетов и персонажами, наделенными дерзким умом. В романе Чулкова «Пересмешник» был некий Аскалон, который мечтал завладеть тронem своего отца и плел ради этого вовсе уж невероятные интриги. Вот уж кто ни перед чем не останавливался ради достижения цели, никакие жертвы не были для него слишком велики, жалости он не знал! Не зря сказано было в романе: «Сердца, наполненные злостью, никакой прекрасный предмет тронуть не может». День, проведенный без свершения свирепого, бесчеловечного поступка, приводил Аскалона в такое бешенство, что он грыз свою руку, причиняя боль хотя бы себе, если не мог причинить ее другому!..

Нет слов, Данилов восхищался этими книгами, они развили его воображение, однако не только в них было дело! В те годы, когда он занимался старательством, пытаясь обрести свободу и разбогатеть, он навиделся столько беспощадности человека к ближнему своему, видел такую готовность убивать ради малого кусочка золотой руды или горстки золотого песка, что, быть может, только присутствие в его жизни Хворостинина и Улгена помешало ему вовсе извернуться и превратиться в некое подобие Аскалона!

---

³¹ В. А. Лёвшин, М. И. Попов, М. Д. Чулков – литераторы второй половины XVIII в., которых можно считать основоположниками русской литературной фантастики.

Данилов нахмурился: следует ли предупредить Асю о том, что милая подружка Лика злоумышляет против нее? А вдруг он ошибается?..

– Федор, си дэ, би дэ³² пришли, остановись, – услышал он вдруг голос Ульяна.

Вот те на, Данилов и не заметил дороги, так задумался. А вот надумал ли чего-нибудь толковое? Да вряд ли!

* * *

Ася неотрывно смотрела в окно, за которым разгорался день.

Выехать собирались чем свет. Вещи все были еще с вечера уложены на подводу: ночью их караулил Ульян, решивший спать под открытым небом, а не в душном номере. Однако человек предполагает, а Господь располагает: задержались с отправлением на два часа из-за Марфы. Лика ворчала, что горничная всю ночь тихонько постанывала, мешая спать своей госпоже, а к утру вовсе расстоналась и раскричалась, жалуясь на боли в животе. Призвали к ней доктора; тот обнаружил несварение, а может статья, и заворот кишок. Велел непременно отлежаться и пить лекарство, которое брался собственноручно изготовить. Припугнул: иначе девушка вообще может умереть в дороге!

Марфа корчилась от боли, рыдала, но все же умоляла барышню Гликерию Ильиничну забрать ее с собой: лекари-де ее в трупарню свезут и живой в землю заруют. Однако девку скручивали такие судороги, что Лика угрюмо буркнула: мол, не хочет брать греха на душу! – и отправилась в путь без горничной, злющая, как змея. Всю дорогу дулась и ворчала, что останется не обихоженной умелыми Марфиными руками!

Лирины причитания Асю сместили. Она-то к чужим услугам не привыкла: последние годы, особенно после смерти матери, а потом и нянюшки Настасеи, сама себя обихаживала, оттого и шила свои платьица (нужда заставляет не только калачи печь, по пословице, но и сделала Асю замечательной рукодельницей!) так, чтобы самой, без посторонней помощи, можно было одеться и раздеться. Понятное дело, никакими особыми изысками эти платья не отличались, а вот заказанное Даниловым приданое заставляло Асю тревожиться.

Ну ладно, надеть она такие изоцтренные наряды как-нибудь наденет, но справится ли со всеми этими застежками и шнуровками, находившимися по большей части на спине? Как затянет корсет? Вообще-то в обиходе Ася вполне без корсета обходилась, потому что была стройной, даже худой, однако венчальное платье потеряет вид, если талия не сделается тонюсенькой, словно у осы, а грудь не начнет дерзко вздыматься над декольте. Новая мода диктовала именно эти условия! Ася не без вздоха вспоминала рассказы покойной матушки о том, какие дивные, легкие, свободные платья à la grec³³ носили в пору ее молодости. Эти-то платья никакого корсета не требовали. Ася робко предполагала, что выглядела бы в них прекрасно. А тут... нижние юбки, панталоны с кружевами, декольте, открывающие грудь и плечи, непременно шляпки и накидки... При взгляде на короба с нарядами, громоздившиеся на возу, у Аси начинала кружиться голова.

Вчера Лика не успокоилась, пока не перерыла все Асины новые вещи. Даже, почудилось, еще больше исхудала от зависти! Три платья привели ее в состояние почти полубморочное, поэтому Ася, которая уже раскаивалась оттого, что так вспылела совсем недавно, сочла за лучшее отдать эти наряды Лике, а также и прилагавшиеся к ним ботиночки и шляпки. Лика нынче вырядилась в одно из них: красно-розовое, отороченное по подолу красной кружевной, с фестонами, роскошной отделкой – ну совершенно для путешествия в карете не подходящее.

---

³² Си дэ, би дэ – и ты, и я (*эвенк.*). Иногда употребляется вместо местоимения «мы».

³³ В греческом стиле (*франц.*).

Помогая утром Лике наряжаться (Марфа-то не могла ни рукой, ни ногой шевельнуть!), Ася хотела посоветовать одеться попроще, но не решилась: Лика разобидится, решит, что Асе стало жаль платьев.

А ей ничуть не было жаль! Ей хотелось добрых отношений со всеми, даже с Ликой – по-прежнему добрых, как раньше! Ася надеялась, что в любимом, незабываемом Широкополье, которое она так часто видела во сне, все вдруг делается таким, как было в прежние прекрасные времена! Она была готова ради этого на многое! Самое малое – с Ликой помириться.

Горячо оплакивая погибшего отца, Ася все же радовалась своему богатому наследству, которое поможет ей вернуть процветание Широкополью и благоденствие своей новой семье. Конечно, иной раз закрадывалась коварная мысль, жалила по-змеиному: да ведь она просто-напросто хочет купить дружбу, любовь, семейное счастье за деньги, но разве добрые чувства продаются или покупаются?! Но как же Ася надеялась, что у Никиты сохранилось к ней прежнее отношение, что в его сердце все эти годы жила та же полудетская-полуюношеская любовь, которая когда-то их объединяла и заставляла смотреть друг на друга с трепетом и душевным, и телесным! Может быть, он не забыл их первый и единственный поцелуй?

...Однажды Никита обиделся на Асю – он вообще был вспыльчив и обидчив, вдобавок ему с детских лет казалось, что вся любовь отца и матери досталась старшему брату, Константину, и даже после смерти тот первенствовал в родительских сердцах. Так же он ревновал родителей к Юрию, отцову племяннику. Каждый добрый взгляд, каждое доброе слово в его сторону вызывали у Никиты взрыв тайной, а порою и явной ненависти.

Обиделся, стало быть, Никита на Асю и злобно крикнул, что прекрасно знает: он противен ей, оттого она и не идет вместе с ним на лодке кататься.

Ася даже ахнула. С того страшного дня, когда погиб Костя, она к воде близко не подходила, даже в жару ее не заманить было купаться в Широкопольке или кататься по ней!

– Да что ты? – еле выговорила дрожащим голосом. – Как же ты мог такое подумать! Противен?! Ты мне?! Да я тебя как брата люблю!

Никита подскочил к Асе, схватил за плечи, яростно уставился на нее своими голубыми глазами, крикнул:

– А я тебя не люблю как сестру! И ты меня не смей любить по-братски! Это с Ликой можно по-братски, а с тобой нельзя: ты мне женой станешь, а я тебе – мужем. Сама знаешь, что мы сговорены, ну а мужа нельзя как брата любить, это грех.

После этих слов он жарко не то клюнул, не то укусил Асю в губы, обшарил руками ее совсем еще незрелое тело – да и пустился наутек.

Ася перепугалась так, что готова была, отцу не сказавшись, домой, к матушке, пешком идти, несмотря на версты и версты, отделявшие Широкополье от Хворостинина. Но дело шло к ночи, а ночью не больно-то попутешествуешь в одиночку. Она прокралась в спальню, которую делила с Ликой, отказалась от ужина, сославшись на нездоровье, легла – и предалась своим всполошенным мыслям.

Никита, Никита, Никита... Конечно, Ася знала, что родители их сговорились между собой о том, что поженят детей, но никогда и подумать не могла, что Никита в нее влюблен. Сговор сговором, а сердце сердцем, это она чувствовала. И если честно признаться, была уверена, что Никите куда больше по нраву не она и даже не Лика, а дочь окольного однодворца³⁴ Филипопина – Манефа Сергевна.

Почему ее так называли, Ася не знала. То есть крещена девочка была Манефой, в честь преподобной мученицы Манефы Кесарийской (она очень этим гордилась, потому что такая преподобная в святцах была только одна, не то что всякие там Марьи, Анны, Анастасии!), но

³⁴ Окольный – живущий поблизости (около); однодворец – как правило, обедневший дворянин, владелец небольшого земельного надела (в один двор), не имеющий крепостных.

отчего тут же присовокуплялось исковерканное отчество – бог весть. Ну разве что для смеха! Асе, впрочем, Манефа Сергевна всегда нравилась, хоть она и любила приврать. Например, тех, кто ее раньше не знал, она уверяла, будто ее фамилия Адельфинская, а вовсе не Филипопина. Конечно, кому охота Филипопиной зваться! Кругленькая, невысокая, проворная, всегда готовая похотать и покривляться, умело передразнивавшая других, Манефа была полной противоположностью ехидной Лике и застенчивой Асе. Никита называл ее Маней, однако Манефа Сергевна страшно на это злилась, хотя, по мнению Аси, лучше было зваться Маней, чем Манефой. И вот именно на нее косил глазом Никита, и глаз этот горел особым, вовсе не детским пламенем, так что даже простодушная Ася чувствовала в его взглядах что-то особенное, а уж Лика просто из себя выходила от зависти.

И вот сейчас... вот нынче вечером Никита доказал Асе, что никакая другая барышня для него не существует, что ни Манефа Сергевна, ни Лика ему не нужны, – нужна только она, его нареченная невеста.

В самом деле, было чего перепугаться, чему порадоваться, о чем помечтать и чего ждать с нетерпением!

Сказать по правде, Ася думала, что Широковы удивятся ее отсутствию за столом и пошлют за ней Лику, но хотелось, конечно, чтобы Никита сам пришел: пришел бы и снова не то клюнул ее, не то укусил. Сердце задрожало, все существо взволновалось и отозвалось на случившееся! Губы немного болели, но она готова была терпеть такие странные поцелуи всю жизнь! Готова была также все прочее испытать, что свершается сначала между мужем и женой впервые (после этого в деревне выставляли на общее обозрение простыню, на которой новобрачные проводили вместе ночь, там были кровавые пятна, но это Асю не пугало), ну а потом становится тем, о чем иногда, таясь от молоденьких девиц, а тем паче от юной барышни, судачили хворостининские стряпки да прачки на кухне или на мостках, с которых мыли господское белье.

Ночь стояла светлая, на удивление светлая – майская ночь, лунная, молочная, серебряная, игра света и тени преображала роскошный сад в сказочные чертоги. В распахнутое окно вливался запах белого табака – Асе казалось, что здесь, в Широкополье, он иначе пахнет, чем в Хворостинине, слаще и томительней, – и доносились соловьиное пение. Пел соловей то тихо, нежно, то совсем затихал, вздыхал, словно бы утомленно, потом вдруг свистал, щелкал, разливался в страстных трелях, умолкал ненадолго...

Ася задремывала под эти сладостные звуки, просыпалась, опять начинала дремать, как вдруг бурные крики, долетевшие из столовой, заглушили соловьиные трели. Кричал, срывая голос, Гаврила Семенович Широков, кричал и Василий Петрович Хворостинин...

Ася испуганно подскочила: ссорятся они, что ли?

Дверь отворилась, в спальню проскользнула Лика и выпалила не то испуганно, не то радостно:

– Собирайся! Вы уезжаете! Вас выгнали!

Вслед за ней проскользнула нянюшка Настася; заливаясь слезами, сунула в светец зажженную свечку, в которой, впрочем, надобности не было, так яростно сияла луна, и принялась поспешно увязывать Асины вещички, висевшие на гвоздях за китайковой³⁵ занавеской.

– Няня, что случилось? – испуганно воскликнула Ася, но та лишь отмахнулась и прорыдала:

– Собирайся, милая Асенька, батюшка уже запрягает!

---

³⁵ Китайка – хлопчатобумажная ткань разной плотности. Она сначала производилась в Китае, оттого так и называлась. Вскоре в России, в Костромской губернии, наладили массовое производство этой ткани, ее даже начали экспортировать в Китай.

Снизу донеслось недовольное ржание Белухи, кобылы хворостининской, которую Василий Петрович запрягал в дрожки, бранясь на бедную лошадку, словно она была в чем-то виновата, да выкрикивая при этом:

– Аська! Сию минуту сюда! Едем немедленно! Ноги нашей здесь больше не будет!

Но даже его громогласные выкрики перекрывал неистовый ор – ну не подобрать другого слова! – Гаврилы Семеновича Широкова:

– Вон! Вон отсюда! Чтобы ноги вашей здесь не было! Пошли все вон! Навсегда! Вон, убийцы!

Асю, чуть живую, нянька почти вынесла из дому; Лика начала было проталкивать ее узелок в окно, да тот застрял; няня хотела вернуться, но Василий Петрович не велел: в чем были, как были, так и покинули Широкополье.

Позже Ася узнала, что именно тем вечером Широков, в котором, видимо, злоба давно кипела да наконец и выкипела, бросил в лицо Хворостинину обвинение в том, что он не спас Костю, поскольку не захотел. Этим он и расторг сговор о свадьбе между Никитой и Асей.

Однако Хворостинин был хоть вспылчив, но отходчив. Мало ли что наговорил, мало ли что накричал там Широков – несчастный отец, потерявший сына! Василий Петрович, несмотря на обиду, не мог так легко распротиться со старинным другом, некогда спасшим ему жизнь на войне с французами; он готов был понять Широкова, который сдвинулся умом из-за гибели любимого старшего сына, и был уверен, что старинный друг со временем образумится.

На то же самое – на целительную силу времени! – надеялись и Ася с ее матушкой.

Однако как раз времени-то Василию Петровичу *старинный друг* не оставил...

Все эти годы, минувшие после ареста Хворостинина, суда над ним и ссылки, потом его помилования, смерти матери и получения известия о гибели отца, Ася жила одиноко. Отрывочные вести из Широкополя доходили только случайно, через нянюшку Настасею, которая была дружна с Антонидой, нянькой Кости и Никиты. Именно так Ася узнала, что теперь невестой Никиты считается Лика, хотя Никита этому, похоже, не больно рад, потому что знай наезжает в Нижград и шляется там в «разные театры». Юрий, который раньше имел виды на Лику, обиделся за то, что получил отставку, тоже перебрался в город, где знай составляет компанию Никите, ну а Манефа Сергевна осиротела, но одна жить не стала, а подалась невесть куда, к какой-то родне.

Само собой, никакие слухи о Манефе Сергевне Асю нимало не волновали – она жила жадным ожиданием вестей о Никите, мечтала о его приезде в Хворостинино. Приказ Гаврилы Семеновича приказом, ссора между Широковыми и Хворостиниными ссорой, ну а их, Никиты и Аси, любовь? А тот поцелуй, похожий на укусы? А его слова, незабываемые слова?! Разве можно это забыть? Разве может Никита не приехать?!

Именно тогда Ася поняла, что любовь – это не какое-то там не определимое словами счастье, а вера и надежда. Без этого любви не бывает. Только надежда помогала Асе ухаживать за матерью, только вера помогала пропускать мимо ушей ее проклятия, адресованные Широковым, только пылкая любовь помогла пережить потерю сперва матушки, а потом и отца. Иногда она ожесточалась, но ненадолго. Понимала, что надо вырвать из сердца эту неразумную, слепую, несчастливую любовь, но вот беда – понимала также, что вырвать ее возможно только вместе с сердцем.

И вдруг произошло чудо! Вдруг все надежды оправдались, вера восторжествовала над унынием: Широков раскаялся и решил вернуться к договору с покойным другом. Ася получила ласковое письмо, в котором Гаврила Семенович писал, что покоя не знал все эти годы, что мечтает искупить вину перед Василием...

Но если бы это письмо пришло до того, как стало известно о полученном Асей наследстве! Мысль, что Гаврилой Семеновичем движет просто расчет и желание поправить проваль-

ные дела свои, своего семейства и своего имения, подгрызала радость Аси, как мышь коварно подгрызает дорогой многоцветный ковер. Но все-таки желание снова увидеть Никиту, снова заглянуть в его голубые глаза, дожидаться прикосновения его губ оказалось всемогущим. О, конечно, конечно, Ася не хотела нарушить волю отца, о, конечно, конечно, она мечтала вернуть Широкополью былой блеск и былую красоту, но встреча с Никитой сияла перед ней путеводной звездой.

Ася видела, с каким недоверчивым и даже презрительным выражением Федор Иванович Данилов слушает ее излияния про мечты о восстановлении Широкополя и верности памяти отца. Конечно, он понимал, что она влюблена в Никиту и жаждет поскорей выскочить за него. За это небось и презирал... Но Данилов был вынужден исполнять волю покойного Хворостинина, как бы ни относился к Асиным словам. Она не сомневалась, что Федор Иванович хочет покончить с устройством ее свадьбы как можно скорее, чтобы заняться своими собственными делами, однако Ася не сомневалась: даже если бы она стала противиться, не захотела бы возвращаться в Широкополье и выходить за Никиту, Данилов мог бы заставить ее сделать это – на правах опекуна. В нем чувствовалось что-то непреклонное и основательное, что-то непоколебимое и в то же время самоотверженное – то, чего не было ни в Никите, ни в Юрии.

Стоило Асе так подумать, как ей стало обидно за друзей детства.

Ну ладно, если Никиту она давно не видела, то Юрий сегодня, когда вырвал Асю из лап мадам Сюзанны, совершил поистине героический поступок. Ну прямо лев был, а не человек, не знал, что такое страх! А Данилов? Что он совершил? Подумаешь, накупил ей гору дамских тряпок! Да еще с таким знанием дела накупил, словно проходил обучение у какой-нибудь сибирской Клеопатры!

Впрочем, вспомнив венчальное платье, Ася смягчилась. Платье было прелестное: из белого тюля поверх атласного чехла, с бесчисленным множеством оборочек, оно напоминало не то облачко, не то пену, не то первый снег – словом, что-то нежное, воздушное и невинное!..

Спустя три часа остановились сменить лошадей и пообедать. Дело это растянулось неожиданно надолго: поев, Лика вдруг расплакалась из-за того, что уронила жирный кусок на подол своего розового платья, потом расстоналась и разохалась, стала жаловаться на боли в животе – ну не хуже Марфы! Ася уже испугалась всерьез, что Лика не сможет дальше ехать. Ну и куда ее девать в таком случае? На придорожном постоялом дворе оставить, что ли? А вместо врача знахарку деревенскую позвать?! Скоро начнет смеркаться, а на лесных дорогах всей губернии, случалось, пошаливали: выходили окрестные крестьянушки с дубьем или ружьишками на дорогу и грабили всякого прохожего-проезжего, а потом исчезали в знакомых им дебрях бесследно. Ходили слухи, даже особые разбойные деревни есть, причем часть награбленного получает помещик, владелец крестьян! Правда, в городских газетах, которые изредка попадали-таки в Хворостинино, Ася частенько читывала злые или насмешливые опровержения: дескать, в былые времена, еще в веке осьмнадцатом, такие тати ночные и впрямь водились и весьма тревожили путников, а теперь губернская полиция навела порядок! Конечно, газетам Ася верила, но все же облегченно вздохнула, когда Лике наконец стало легче и удалось продолжить путь.

Однако, проехав с версту, карета снова остановилась. Девушки прильнули к окнам и увидели, что начался дождь.

Кучер, лакей и Ульян, вооружившись топориками, ринулись на обочину: рубить еловые ветки, чтобы прикрыть воз с приданым. Ради этих хлопот подзадержались, после чего Лика разворчалась: мол, по размокшей дороге доберутся в Широкополье только затемно.

Ася глянула с укором: как будто не из-за самой Лики больше всего задержались в пути! – но ничего не сказала. Ей помнилось, что последние двадцать верст до Широкополя предстояло ехать совсем уж густыми лесами. По слухам, там водились медведи! Впрочем, еще в пору

ее детства убили последнего из них. И все равно – места были мрачные: напрямик из леса въезжали в огромный широкопольский сад, тоже напоминающий настоящий лес.

На Ликину воркотню Ася не отвечала. Даже рада была задержке: хоть мечтала об этом дне истово, а все же страшновато после всех минувших горестных лет оказаться лицом к лицу с Гаврилой Семеновичем и особенно с Никитой...

Тем временем, прикрыв добро, Ульян сладил на возу еловый шалашик и для себя: ливень разошелся вовсю! А Данилов, который сопровождал небольшой обоз верхом, вынужден был перебраться в карету, привязав коня к задку.

Настроение у Лики мигом улучшилось.

Едва Данилов поставил в уголок ружье, положил рядом с ним свою небольшую светло-коричневую сумку с документами (тот самый портэфей), с которой никогда не расставался и которая называлась очень смешно, – и устроился на том же сиденье, что и Ася (подальше от нее, впрочем, чтобы не задеть лапами промокшего сюртука), – Лица вдруг проговорила сладким голоском:

– А скажите, Федор Иванович, как вам удалось составить для Асеньки такой великолепный гардероб? Может быть, у вас была советница, сведущая в разнообразных модах?

Этого вопроса следовало ожидать. Даже странно, что его раньше никто не задал! Данилов запирается не стал и признался, что обратился к лучшей модистке Нижграда, которая все хлопоты взяла на себя: и выбор тканей, и фасонов, и шитье, и заказ недостающих вещей в столицах.

– И что?! – разочарованно спросила Лица. – Неужели и впрямь обошлись без совета? Неужели вы полностью доверялись этой модистке?! Как ее, кстати, звали?

– Мадам Жаклин, – ответил Данилов.

Ася вздрогнула так, что капор, лежащий у нее на коленях, свалился на пол кареты.

Федор Иванович поднял капор и покосился на свою подопечную. В полумраке кареты, за окнами которой продолжал идти дождь, ее лицо казалось белым, неестественно бледным пятном.

Данилов мысленно выругался. Черт его дернул упомянуть эту чертову мадам! Понятно, что Ася, как храбро ни держится, не забыла вчерашних приключений. Вот что с ней от одного только слова «мадам» сделалось! А Лица так и сияет. Уж не нарочно ли она навела Данилова на это упоминание? Не нарочно ли так хитро заставила его ковырнуть душевную рану Аси?

Хороша подруга! Зря он все-таки Асю не предупредил, что надо с Ликой ухо остро держать.

Ну да, и Асю не предупредил, и сам первый же проштрафился.

Э, да она, бедняжка, совсем расклеилась, вот-вот заплачет.

Надо срочно ее выручать! Надо как-то развеселить!

Что делать? Рассказать что-нибудь из своих таежных приключений? Хотя там ничего веселого не было. Да и вдруг наведешь Асю на горькие мысли о том, что где-то там, в тайге, навеки остался ее отец. Данилов сказал ей в свое время, что Василий Петрович умер, простудившись, а ну как ненароком обмолвится, что тот был застрелен некоей сволочью?

Нет.

Ага, вот что нужно рассказать! Конечно, самого Данилова эта история выставит не бог весть каким галантным по отношению к даме, может быть, даже трусом, однако сейчас, чтобы приободрить Асю, все средства хороши. Разумеется, придется слегка приврать, да что поделаешь!

– Я полностью доверился этой модистке, потому что всякое обсуждение фасонов и тканей, всякий разговор о ботинках, танцевальных башмачках, шляпках, перчатках и прочих дамских радостях вызывает во мне неодолимое отвращение, – сообщил Федор Иванович с покаянным видом. – Признаюсь честно: некие обстоятельства моей жизни весьма этому спо-

собствовали. Видите ли, еще в Енисейске был я сговорен с одной очень милой девицей по имени Таисия Леонтьевна, редкостной красавицей – из тех, которые так ловко раскидывают свои сети, что мужчина под них попадает легко, словно глупая куропатка зимой. Попался и я. Таисия Леонтьевна всерьез взялась за подготовку приданого и выписала из обеих российских столиц, а также из Парижа без малого сотню разноцветных картинок с изображением модных фасонов, несчетные штуки³⁶ тканей и бесконечное количество всевозможных дамских мелочей, а потом принялась обсуждать свое будущее приданое и со мной, и со всяким встречным и поперечным. Разумеется, мне, как жениху, приходилось тяжелее всех. Таисия Леонтьевна заговаривала меня буквально до головокружения, и я с ужасом представлял себе свою будущую участь – участь супруга, которому придется всю жизнь обсуждать наряды жены. Ничуть не преувеличиваю – я даже заболел от тоски и слег в постель! Доктора находили у меня нервное расстройство. Лекарства не действовали – прежде всего потому, что выздоравливать мне, откровенно говоря, вообще не хотелось. Таисия Леонтьевна смекнула, что я притворяюсь, разобиделась и, чтобы вызвать мою ревность, начала принимать ухаживания одного богатого промышленника, который лишь недавно прибыл в Енисейск и у которого дамские радости такого ужаса, как у меня, не вызывали. Кончилось все тем, что мы с Таисией Леонтьевной по обоюдному согласию расторгли нашу помолвку. Вот так я на всю жизнь получил отвращение к тонкостям дамского искусства наряжаться на радость и погибель бедным мужчинам. Именно поэтому предпочел доверить создание гардероба модистке.

– Мадам Жаклин! – ехидно уточнила Лика.

Зря старалась – на сей раз Ася словно бы и не заметила опасного словечка и хохотала над рассказом Данилова от души.

– А колечко у вас на мизинце – не память ли о невесте, не ее ли подарок? – не унималась Лика.

Данилов пожал плечами:

– Нашел кольцо где-то, не помню. Понравилось, вот и надел.

Вопрос Ликин был вроде безобидный, но говорить в ответ правду Федору Ивановичу не хотелось. А впрочем, ему не привыкать врать, и так в своем рассказе уже приврал изрядно!

...Его бывшая невеста несколько лет назад и в самом деле слишком уж ретиво взялась за обсуждение своего приданого. Заметив откровенное отвращение жениха к таким разговорам, Тасенька (Таисия Леонтьевна тож) принялась сыпать упреками, напоминая, что ее дядюшка (отчим Федора) вытащил их с матерью из нищеты и сосватал ему Тасеньку, а Федька своего счастья не понимает! Он должен не косоротиться и зевать во весь рот, а поминутно ручки милой Тасеньке целовать и превозносить ее красоту. Коли станет вредничать, Тасенька пожалуется матушке Федора... а та, бедняжка, одной ногой в гробу, зачем же ей жизнь укорачивать огорчениями, ведь она так мечтала сына женить на красавице с презрительным приданым!

Тасенька была хороша, слов нет, вдобавок богатая невеста. За ней увивались самые завидные женихи Енисейска и окрестностей, однако выбрала она Данилова. Конечно, сначала он был увлечен, но это оказалось просто-напросто кружением головы и молодого сердца. Потребовалось некоторое время, чтобы понять: не любовь безумная и даже не советы дядюшки заставили Тасеньку сделать такой выбор, а именно желание заполучить в свою полную власть красавца (ну да, что было, то было, особенно в те далекие годы, пока однажды росамаха не прошлась по лицу Федора Данилова своим когтем!) без всякого состояния. Мечтала Тасенька, чтобы этот бедняк всю жизнь был благодарен жене, которая сделала его богачом! Невеста своих унижительных замыслов и не скрывала. Но дико казалось Данилову, что девушка, которую окружали только сильные мужчины, сами, своими стараниями и усилиями разбогатевшие и

---

³⁶ Штука ткани – рулон (*устар.*).

возвысившиеся, хотела видеть супругом какую-то тряпичную куклу. Впрочем, сильные мужчины города Енисейска не потерпели бы ни малейшего своеволия от женщин, ну а Тасенька не желала терпеть ничего своеволия, кроме собственного.

Но как же была счастлива этим сговором матушка Данилова!..

Кто знает, может быть, Федор так и дотерпел бы до свадьбы, не желая омрачить матери последние дни жизни, однако Господь милосердный ее прибрал-таки. Накануне кончины она надела сыну на палец витое колотое кольцо, которым с первым мужем своим, отцом Федора, венчалась и которого лишь одного любила всю жизнь, несмотря на второй брак, на который согласилась только ради сына, и прошептала:

– Носи пока сам, а потом невесте своей наденешь. На вечную любовь!

Это были ее последние слова.

Данилов повесил кольцо на шейный шнурок, рядом с крестиком. Не хотел, чтобы его увидела Тасенька, которую он уже не считал больше своей невестой. Надел Федор материнский подарок на палец, лишь когда покинул тайгу и золотой промысел. По размеру кольцо пришлось лишь на мизинец левой руки.

Как ни буйствовала красавица Таисия Леонтьевна от злости, что свадьбу приходится отложить, но даже ей, при всей избалованности, не хотелось навлекать на свою голову общее осуждение. Впрочем, надеялась, что траурный срок пролетит быстро.

Однако Федор Данилов ждать не стал. Лишь отвели сороковины по матери, он, никому не сказавшись, исчез из Енисейска и более туда не возвращался. Ни малейшего стыда ни перед самовластной Тасенькой, ни перед суровым отчимом он не испытывал. Они желали сломать его жизнь, а этого Федор не мог допустить. Он предпочитал погибнуть в тайге, чем в Тасенькиных пуховиках задохнуться!

Когда Данилову пришлось заняться устройством судьбы Аси Хворостининой, он не знал, от злобы лопаться или со смеху помирать: ведь принужден был заняться ее приданым, поскольку больше заниматься этим было просто некому. Как-то раз Федор Иванович увидел в тайге змею, которая кусала себя за хвост, свившись кольцом. Собственная судьба казалась ему такой же змеей. От приданого убежал, к приданому прибежал – к счастью, теперь не о его свадьбе шла речь и скоро это все закончится: вот ответит Асю под венец и...

Раздался грохот, и карета остановилась так резко, что Данилов чудом не слетел с сиденья и Асю успел удержать.

– Что такое? – пробормотал он, распахивая дверцу, как вдруг до него донесся пронзительный крик Ульяна:

– Нэлгэ! Дыкэмкин!³⁷

И в то же мгновение Данилов увидел напротив себя какого-то мужика с дубьем в руках. Казалось, его породил мрачный сумеречный свет, в котором тонула округа. Голову мужика закрывала глубоко нахлобученная шапка, лицо заросло бородищей так, что не разглядеть черт. Данилов с ужасом вспомнил, что оба его пистолета остались в ольстрах³⁸. Потянулся к ружью, но не успел схватить его: получил такой удар дубиной в грудь, что завалился назад, в карету.

Он резко, особенным образом, свистнул, подавая Улгену понятную лишь ему команду, надеясь, что тунгус услышит, но второй удар пришелся по лицу.

Данилов лишился сознания.

* * *

– Просыпайся, Федор! – услышал Данилов тихий голос.

---

³⁷ Нэлгэ! Дыкэмкин! – Упало дерево! Засада! (эвенк.)

³⁸ Ольстры – особые сумки по обе стороны седла: кобуры для пары пистолетов.

Его Федор Иванович узнал бы где угодно и когда угодно, потому что этот голос принадлежал Василию Хворостинину.

Попытался открыть глаза – не смог. Они словно завязаны были чем-то. Или залеплены.

Вспомнилось: кровь вот так же залепила глаза после того, как проклятая росомаха зацепила его когтем.

Данилов резко повернул голову, но это движение отозвалось такой болью, что он не сдержал стона.

– Просыпайся, Федор! – настойчиво повторил Хворостинин, и Данилов увидел его.

Это было странно... ведь Данилов так и не смог открыть глаза, а главное, он помнил, что Василия Петровича нет в живых! И все-таки сейчас он видел своего старшего друга так же ясно, как тем сумрачным июньским утром, когда Хворостинин разбудил крепко спящего Федора, чтобы вместе уйти в тайгу: ловить удачу, строить новую судьбу – и уже не возвращаться в Енисейск.

Ссылный поселенец Василий Петрович Хворостинин в те времена квартировал у торговца пушным товаром Михаила Камаева. Он крепко сдружился с пасынком Камаева – Федором Даниловым.

Отец Федора, Иван Данилов, был удачливым промышленником, но однажды удача вмиг от него отвернулась: все его склады уничтожил пожар, переметнувшийся из тайги на окраину города. Тогда много домов в Енисейске погорело... Пытаясь спасти свое имущество, Данилов-старший погиб. Вдова его, Серафима Николаевна, измучившись от бедности и желая для сына более благополучной участи, чем та, в которую они оба были столь внезапно ввергнуты, вышла за Камаева. Он не столь давно овдовел и один воспитывал племянницу-сироту Тасеньку. Камаеву при том пожаре повезло: его склады сохранились. Федор подрос и стал помогать отчиму торговать, однако его мечтой было выучиться на горного инженера и заниматься обустройством золотых приисков. Но, чтобы учиться, следовало ехать в Екатеринбург, а именно это Федору не позволялось. Да и не на что было ехать: жили они с матерью щедротами Камаева...

Василий Хворостинин единственный знал о решении Федора бежать от Тасеньки и поддерживал его. Вот так они и ушли вместе, заранее припрятав нужный скарб в тайге в версте от городка, ушли в надежде на удачу.

А почему бы и не надеяться на нее? В те времена и в тех краях скоробогачи насчитывались десятками! Места вокруг Енисея были золотоносными, и удачи тут не искал только ленивый. Тунгусское слово «алтан»³⁹ знал каждый! Бесчисленные золотоносные безымянные речки стремились к Большому Питу, правому притоку Енисея, стекали с вершин Сухой Пит и Удерей, а севернее Большого Пита низвергались с горного массива богатые золотым песком Вангаш и Енашимо. Старатели мыли взятый из воды песок лотками; искали рассыпное золото, лежащее по берегам в виде больших и малых самородков; даже стреляли таежных птиц – надеялись найти самородки в их зобах, что порой случалось!

Слухи о сказочном Енисейском крае, где золото валяется прямо на земле, уже преодолели Урал. Рассказы об удачниках распространялись со скоростью ветра, и, гонимые этими сладкозвучными ветрами, врачи, учителя, чиновники, купцы забыли свои прошлые службы и занятия и пошли в тайгу, пытаясь поймать удачу, однако не имея ни малейшего представления о правилах поисков золота. Они шатались по тайге туда-сюда, тратя время и силы на пустые переходы с места на место... И каждый мечтал найти «сундук с золотом» – богатые прииски.

---

³⁹ Алтан – золото (*эвенк.*).

Одни погибали в сикигаг (так называли непролазную таежную чащобу тунгусы), другие опускали руки и возвращались домой ни с чем, третьи поступали на службу к более удачливому сопернику, ставшему хозяином прииска.

Именно с такой службы и решил начать Федор Данилов свое обучение ремеслу горного инженера. Со старательской практики.

Наняться в старатели было несложно. Каторжане, конечно, считались более надежными, чем вольные рабочие, потому что работали в кандалах, в цепях и никуда не могли подеваться от лотка, в котором мыли песок. Однако и за ними требовался неусыпный надзор: чтобы не утаивали добычу, чтобы не пытались проглотить попавшийся самородок. Если такой воришка потом погибал, история его смерти пересказывалась на всех приисках в назидание.

Скоро старатели начинали понимать, что работа у них адская. Их нанимали на год; паспорт забирали. Трудились по 12–15 часов, а то и все 18. Не выполнил норму – розги и штраф в половину дневной оплаты. Штрафовали за сломанное кайло, за потерянную лопату, даже за ссоры и свары между собой...

Сначала Хворостинин и Федор Данилов нанялись на один из приисков, принадлежащих скоробогачу Голубеву, купцу, приехавшему из Костромы (он владел золотоносными россыпями на реках Актолик, Севагликон и Калами), однако не смогли больше одного срока найма вытерпеть жестокую кабалу (слово «проштрафиться» Данилов на всю жизнь запомнил!) и решили сделаться вольными старателями. Оба прекрасно понимали тяжесть предстоящего труда: бесконечная, порою непроходимая тайга, где влажность воздуха превращала почву в болото. Золотоискатели, удаленные на сотни верст от деревень, принуждены были все свои припасы и добычу носить на себе. Ночлег на сыром мху или на лапнике, частые дожди, внезапные холода или удушающая жара, полчища гнуса... Истинно железное здоровье надобно было иметь, чтобы не просто выжить в тайге, но и разбогатеть!

На зиму вольные старатели разбрелись по домам, однако ни у Хворостинина, ни у Данилова не было ни малейшего желания возвращаться в Енисейск. Но куда податься? В лесорубы? Вот разве что... Однако предстояло еще найти подходящую артель и, самое главное, сбересть от сотоварищей намытое и найденное золото. Если становилось известно, что человек пришел в артель с приисков, а значит, у него могли храниться самородки или песок, то судьба его могла сложиться самым что ни на есть печальным образом...

Друзья размышляли: не заняться ли им охотой на пушного зверя? Но для этого все равно нужна была прочно обжитая стоянка, куда приносят добычу, где чистят шкуры от мездры, сушат и хранят их... Да и стрелками оба были не бог весть какими, а ведь белку, соболя и лису лучше всего бить в глаз, чтобы шкурку не портить.

Словом, друзья никак не могли решить, за что взяться зимой, и вот однажды наткнулись в тайге на молодого тунгуса, на которого напала дянтаки – так туземцы называли росомаху. Юноша отогнал ее, однако был жестоко изранен, и зверюга (злая, коварная, подлая зверюга!) затаилась, терпеливо ожидая, когда руки, сжимавшие нож, ослабеют, опустятся – и можно будет безнаказанно перегрызть человеку горло.

Тогда Федор Данилов еще плохо понимал по-тунгусски и, когда раненый прохрипел: «Дянтаки...» – ничего не понял и решил, что бедняга просит помочь ему. Он склонился на юношей, и в этот миг росомаха, разъяренная, возбужденная до безумия запахом крови и близкой смертью жертвы, ни за что не желая упускать добычу, прыгнула Федору на спину.

Не допрыгнула – ее сшиб в прыжке Василий выстрелом из ружья (к счастью, тут уж не надо было заботиться о целостности шкуры!), однако Федор на беду свою обернулся – и росомаха успела зацепить его лоб и левую щеку своим когтем. Вот откуда взялся шрам на его лице.

Хворостинину тогда нелегко пришлось! Кое-как замотав раны Федора и Улгена (у того едва хватило сил назвать свое имя и, путая русские и тунгусские слова, объяснить дорогу к стойбищу), Василий Петрович сладил волокушу и отправился по тропе, которую без подска-

зок Улгена никогда в жизни не нашел бы: казалось, она внезапно появлялась перед глазами, а потом, за спиной, исчезала бесследно, словно зачарованная, только далекое эхо унгувуна⁴⁰ слышалось. Потом тунгусы объяснили, что таким запутыванием следов к стойбищам с помощью унгувунов славились здешние шаманы, в числе которых некогда были и дед, и прадед Улгена.

Зиму русские провели у своих новых друзей, и, если бы не мудреное врачевание бабки Улгена, молодой тунгус не выжил бы, а Федор остался бы изуродованным до неузнаваемости. По весне, когда стаял снег, русские ушли из стойбища, чтобы вернуться к промыслу. Улген пошел с ними. За спасение своей жизни он хотел отблагодарить друзей и собирался показать им богатое золотиносное месторождение.

...Изречение «мир тесен» было Хворостинину и Данилову известно. Даже на приисках, затерянных в тайге, приходилось им встречать знакомцев: так, Хворостинин повидался с двумя каторжными, известными ему по пересыльной тюрьме в Иркутске, а Данилов едва избежал встречи с приятелем из Енисейска. Словом, они не слишком удивились, когда в бескрайней тайге чуть ли не нос к носу столкнулись с Митрием Похваловым. Случилось это у солонцов⁴¹, где Хворостинин, Данилов и Улген подстерегли лося и пополнили свой запас продовольствия.

Вспомнив, как вместе с Похваловым когда-то гнули спину над промывочными лотками на Голубевском прииске на берегу Актолика, друзья поначалу даже обрадовались встрече. Похвалов рассказал, что тоже подался в вольные старатели, но перезимовал в русской деревне, через которую шла почта на Енисейск, поэтому был осведомлен о новостях что сибирских, что уральских, что российских. Новостям этим могло уже исполниться месяца три, если не полгода, но все равно Хворостинин и Данилов слушали знакомого развесив уши, а он знай подливал им да тунгусу жгучей хэкухи, которой у него оказался немалый запас. Хэкухой тунгусы называли самогонку, которую по русским деревням и зимовьям гнали из всего, что под руку попадет, чуть ли не из коры древесной.

Улген и Василий Петрович скоро сомлели и уснули. Данилов же пил мало, да и вообще он был крепок, против любой хэкухи, даже кедровой, мог устоять – если не заливать горло до самых ушей, конечно. Но делал вид, что уже лыка не вяжет, потому что заметил: Похвалов-то почти не пьет. Что-то в этой пирушке было нечисто!..

А Похвалов счел, что теперь из молодого старателя можно веревки вить, и начал выспрашивать, не рассказывал ли тунгус своим спутникам о знаменитой Алтана бай⁴², на вершине которой, по слухам, находились баснословные залежи золота.

Теперь Данилов смекнул, какое месторождение хотел им показать Улген. Воистину по царски мечтал он наградить друзей за свое спасение! Однако Похвалову Федор, конечно, ничего об этом не сказал – только пробормотал, нарочно заплетаясь языком, мол, ничего такого не слышал.

– Небось плохо спрашивал, – ухмыльнулся Похвалов. – Про Алтана бай все инородцы знают. Туда один раз только сходить – и на всю жизнь можно разбогатеть. Еще и детям с внуками достанется.

– А ты это откуда знаешь? – спросил Федор. – Точно это не басни?

– Перед смертью, знаешь ли, басни уже не плетут, – ухмыльнулся Похвалов. – Тунгус один мне поведал про Алтана бай. Все толком обсказал – залежи там несметные. Жаль – помер не в час, не успел тропу заветную указать.

– А с чего это он вдруг помер? – удивился Федор.

---

⁴⁰ Унгувун – бубен (*эвенк.*).

⁴¹ Солонцы – почвы, чрезмерно богатые растворимыми солями. Растительности на них нет. На солонцы часто приходят копытные животные.

⁴² Алтана бай – Золотая сопка (*эвенк.*).

– Да кто ж его, нехрестя, ведает, отчего помер? – пожал плечами Похвалов, отводя глаза. – Небось его ихний Харги позвал али еще такой же местный диавол. Они же, нехристи, каждой деревяшке поклоны бьют! Не люди – зверье наполовину! – И сплюнул презрительно.

Данилов и Хворостинин за зиму наслушались в стойбище столько сказаний о богах и духах, что каждого из них знали не хуже самих тунгусов. Харги был зловредным хозяином подземного мира – обиталища мертвых, завистливым младшим братом Сэвэки – творца людей, животных и всей тайги. Конечно, тунгусы были язычники, что не могло не ранить христианина, однако в чужой монастырь со своим уставом не ходят: Хворостинин и его молодой друг меньше всего собирались вмешиваться в жизнь и осуждать верования людей, которые приняли их со всем мыслимым радушием. Откровенное презрение Похвалова оскорбило Данилова. Федор с удовольствием высказал бы все, что о нем думает, однако прикусил язык. Что-то неладное почудилось ему в словах «Да кто ж его, нехрестя, ведает, отчего помер?», что-то подлое в том, как Похвалов отвел глаза...

Данилов знал: многие старатели мечтали свести дружбу с туземцами и вызнать у них тропы к богатым россыпям. Хворостинин и Данилов жизнь Улгену спасли и поэтому приняли его предложение как должное и с благодарностью. Но обычно от тунгусов было непросто дознаться о тайных путях к месторождениям. Чаще всего туземцев старались подпоить и заставить открыть тайну «добром». Они были очень слабы перед действием хэкухи! Умелыми вопросами выведав дорогу, золотоискатели поспешно уходили, оставив бедняг с трудом приходиться в себя и мучиться, вспоминая о случившемся. Однако находились и такие, у которых жажда богатства мутила разум, заставляя забыть и о человечности, и о страхе божием. По слухам, в тайге не раз находили мертвых тунгусов со следами зверских пыток. Это восстанавливало туземцев против русских, они начинали мстить всякому русскому человеку, и, случалось, за подлость одного отвечали многие невиновные.

Федор насторожился. Уж не один ли из таких бесчестных, безжалостных ловцов удачи встретился им с Хворостининым на узкой дорожке?.. Вскоре он понял, что чутье его не обмануло.

Слово за слово, Похвалов начал подговаривать Данилова бросить Хворостинина и пойти искать Алтана бай самим. Тогда, дескать, вся добыча их будет.

– Так я ж дороги не знаю, – проямлил Федор.

– А дорогу нам твой тунгус покажет, – вкрадчиво проговорил Похвалов.

– Он очень почитает Василия Петровича, благодарен ему за спасение жизни... ну как не захочет его бросать? – удивился Данилов.

– Да кто ж его, убогого, спрашивать станет? – ухмыльнулся Похвалов. – Пусть только попробует заартачиться – мы его в такой оборот возьмем, что он всех своих богов помянет и не только дорогу нам покажет, но и мамку с тяткой в костер толкнет, только бы живым остаться.

– Так вот почему твой тунгус к Харги отправился! – прищурился Данилов. – Он под пыткой помер, что ли?! Не ту ли участь ты и Улгену уготовил?

Похвалов сначала заюлил глазами, потом холодно бросил:

– А твоя печаль какая? Или этот Улген тебе брат?

– Брат, – кивнул Федор. – Брат и друг!

Кулаки у него были крепкие да увесистые: с одного удара отправил Похвалова валяться без памяти. Потом связал его, не без труда растолкал своих и коротко объяснил, чего хотел от него Похвалов.

Улген скрипнул зубами и пробормотал, что один из его двоюродных братьев был замучен и убит, но дорогу к Алтану бай не выдал. Из других стойбищ тоже иногда доносились похожие вести.

– Такие, как этот чанит⁴³, не знают, что по крови дойти до Алтана бай невозможно. Туда можно только друга привести, но не врага. Вы – дойдете, потому что я вас веду по своей воле. А чанит не дошел бы, даже если бы я ему на куске бересты дорогу начертил и про каждый поворот рассказал, – тихо объяснил он.

После этого подумали, что делать с Похваловым. Убивать не стали – решили просто забрать его ружье, его припас и оставить в тайге одного, правда, положить рядом небольшой и тупой нож, чтобы было чем веревки разрезать, но повозиться пришлось бы немало.

– Если будет Господу угодно – выживет и выберется, – сказал Хворостинин.

– Или если дьявол за него заступится, как за своего подручного, – буркнул Федор.

– Пусть Агды⁴⁴ его поразит! – пробормотал Улген.

Пока они собирались, Похвалов очухался и осыпал всех троих страшными проклятиями. Особенно досталось Данилову. Похвалов поклялся убить его собственными руками.

Федор только хохотнул, перекидывая себе за спину ружье разбойника. Это был самопальный мушкет, сработанный, очевидно, каким-нибудь местным умельцем. Собственно, такие же, только получше сделанные ружья имелись у Хворостинина и Данилова. У похваловского вдобавок оказался сбит прицел и боек сточен. Это почудилось Федору странным... и как же он проклинал себя потом за то, что не дал воли этому ощущению!

Они ушли, а вслед им летели, словно камни, проклятия связанного Похвалова...

Спустя три дня Хворостинин сорвался с плота, на котором переправлялись через Калами. Не утонул, однако промок до нитки, потом никак не мог согреться. Василия Петровича знобило, и Данилов отдал ему свою сухую кухлянку⁴⁵, запасные штаны, а его мокрые вещи пытался высушить над костром. Переодевшийся Хворостинин стоял рядом. Вдруг из зарослей раздался выстрел, и пуля пронзила ему спину напротив сердца.

Глаз Улгена оказался острее, чем у Федора: сразу определил, откуда прилетела эта пуля, – и стрелу из лука тунгус выпустил быстрее, чем Данилов схватился за ружье. Тотчас из зарослей раздался мучительный стон. Улген бросился на звук и через несколько минут приволок Похвалова. Его горло было пронзено стрелой. Похрипел он несколько минут, давясь кровью, пуча глаза, да и сдох. А Данилов в это время склонялся над умирающим Хворостининым и, едва сдерживая слезы, слушал его последнюю волю.

Василий Петрович был в сознании; голос его звучал слабо, но отчетливо. Именно тогда Хворостинин взял с Федора слово: тот позаботится о его дочери, а если раздобудет довольно золота, чтобы составить ей приданое, сделает это и по возможности устроит ее свадьбу с Никитой Широковым. Потом он еще чего-то требовал – на случай, если Широковы откажутся или Ася не захочет с Никитой венчаться, – но голос его уже прерывался, мысли путались, и эти последние слова показалось Данилову предсмертным бредом. Однако он все же поклялся исполнить все – жизнью своей поклялся! Через несколько минут Василий Петрович умер.

Данилов согнулся над его телом и дал волю слезам, разрывающим горло, глаза и сердце.

Потом, после того как похоронили Хворостинина, Улген отыскал в зарослях и принес Федору ружье, из которого стрелял Похвалов. Это было дульнозарядное кремневое ружье образца 1808 года. С такими русская армия дошла до Парижа, и до сих пор их кое-где использовали в армии и в полиции. Невесть как оно попало к Похвалову: может быть, было украдено у зазевавшегося стражника или взято у убитого. Очевидно, при встрече у солонцов Похвалов припрятал это ружье от старинных знакомых, а на виду держал то, что было постарее да

---

⁴³ Чанит – разбойник (*эвенк.*).

⁴⁴ Агды – в представлениях эвенков это хозяин грома и молнии. Агды высекает небесный огонь, искры от которого поражают злых духов и жестоких людей.

⁴⁵ У народов Севера так называется верхняя одежда в виде просторной рубахи мехом наружу.

поплоше. Наверное, Похвалов поначалу считал Хворостинина и Данилова такими же разбойниками, каким был сам, и опасался, что те отнимут у него хорошее ружье. Ну что ж, теперь оно стало трофеем Данилова (Улген предпочитал свои меткие, стремительные, под звуки шаманского бубна изготовленные стрелы и лук). Со временем Федор укоротил слишком длинный ствол ружья и отлично с трофеем освоился.

Через три дня они с Улгеном дошли до Алтана бай, и Данилов в первые минуты не поверил глазам, увидел золотые россыпи, какие могли только во сне присниться... Набив самородками три мешка (свои и Хворостинина) под завязку, превратив в мешки даже кухлянки, они снесли добычу в тщательно обустроенный схрон и больше к Алтана бай не возвращались. Конечно, там еще много сокровищ оставалось, но сопка считалась священной, ей покровительствовал сам Калу, охранитель тайги, гор и рек, жадностью его можно было разгневать, а гнева божьего боялись и тунгус, и русский.

Данилов не сразу придумал, как безопасно вывезти добычу из тайги, но замысел его был хорош. Он решил вернуться в обжитые старателями поселки и, чтобы избежать подозрений, нанялся возчиком в почтовый обоз. Такие обозы шли на Урал под военной охраной, и, хотя иногда они везли деньги, на них сибирские и приуральские разбойнички нападать не отваживались, предпочитая потрошить одиночек. Вот так, потихоньку, партиями, пряча тщательно упакованные самородки и песок среди ящиков и мешков, Данилов вывез в Екатеринбург золото. Его припрятывал в купленном на городской окраине убогом домишке. В подполе был вырыт тщательно укрытый тайник, где Данилов и хранил сокровища. Когда вез в Екатеринбург последнюю партию, забрал Ульяна с собой. Друзья, чувствовавшие себя поистине братьями, хоть и не кровными, не хотели расставаться. Тем более что Данилов намеревался вернуться на Енисей, когда исполнит последний завет Хворостинина, – исполнит во что бы то ни стало, ведь в гибели Василия Петровича он винил себя настолько же, насколько и Похвалова. Почему не дал воли своему чутью, которое подсказывало: ну не может быть у этого разбойника такое плохонькое ружьишко! Да и смерть Хворостинин принял вместо Данилова: ведь Похвалов из-за его кухлянки не в того попал, кого хотел убить...

Не было дня, чтобы Данилов не упрекал себя в гибели друга, однако сны его были на диво безмятежны: не приходил к нему Хворостинин, ни за что не упрекал, ни о чем не напоминал. Но вот сейчас появился и настойчиво требует открыть глаза!

Внезапно голос Хворостинина исполнился отчаяния, перешел в крик:

– Да открой же глаза, Федор! Спаси мою дочь! Исполни свою клятву!

И Данилов наконец-то разлепил веки.

* * *

Мучительно ныла голова. Все вокруг расплывалось в кровавом тумане, в который врываются огненные сполохи. Федор сообразил, что после удара в лицо кровь залила глаза. А огонь... горелым пахнет, это факелы зажжены, что ли? И еще какой-то запах касался ноздрей – еле уловимый, чуть сладковатый, словно бы медовый.

Данилов сделал попытку протереть глаза, но руки оказались заломлены за спину и кем-то крепко схвачены, да так, что ни двинуть ими, ни шевельнуть.

– Ну, чего вытарашился? – раздался грубый, хриплый, словно бы сорванный голос. Он принадлежал довольно высокому человеку, стоявшему напротив. Впрочем, все расплывалось, с трудом можно было рассмотреть только очертания фигуры незнакомца. – Зенкам своим не веришь, что ли?

– Да ведь у него глаза кровью залиты, – отозвался другой голос, испуганный, всхлипывающий, однако Данилов сразу узнал Асю. – Он же не видит ничего. Дозвольте кровь вытереть и рану перевязать!

– Еще чего! – рявкнул первый. Он был, очевидно, главарем. – Обойдется!

К нему приблизилась другая фигура – гораздо ниже и коренастая; что-то тихо прохрипела.

– Ладно, – буркнул главарь. – Гриня, слышь...

Низенькая коренастая фигура с явной злостью ткнула его в бок, главарь растерянно кхекнул и поправился:

– Ку... стало быть, Кузя, возьми тряпку, намочи на дворе – в луже, что ли, – да протри эту морду.

Загрохотали шаги, мелькнула еще фигура, вернулась, шваркнула по лицу Данилова жесткой мокрой холстиной – грубо, словно бы с ненавистью.

Боль заставила отшатнуться.

– Эй ты, смирно сиди, не дергайся, – рыкнул Кузя. – А то еще шибче в морду получишь.

У него тоже был хриплый, словно бы сорванный голос – как у двух других разбойников.

«Из одного ведра ледяной воды наглотались, что ли? – подумал Данилов. – Или просто не хотят, чтобы мы их подлинные голоса слышали? А это почему?»

Думать было тяжело: казалось, что кровь залила не только глаза, но и мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.